

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНИГИ ІОВА.

(Окончаніе).

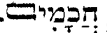
IV.

Съ какою цѣлію авторъ изложилъ исторію страданій Іова? Вопросъ этотъ ведетъ насъ къ изслѣдованію главной мысли книги Іова и тѣхъ обстоятельствъ, въ виду которыхъ эта мысль казалась автору пригодною для современныхъ или послѣдующихъ читателей его.

Въ цѣломъ составѣ своемъ книга Іова представляетъ видъ повѣствованія о страдальцѣ Іовѣ, въ которое авторъ вводитъ собственныя рѣчи лицъ, принимавшихъ участіе въ положеніи страдальца. Какъ повѣствователь, авторъ говоритъ отъ себя о жизни Іова до страданія, объ обстоятельствахъ, послужившемъ причиною къ измѣненію его судьбы, потомъ между бесѣдами вставляетъ историческія поясненія относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ разсужденіи, или только замѣтки, служащія къ указанію разсуждающихъ лицъ, и наконецъ повѣствуетъ о возвращеніи Іову прежняго счастія. Какъ передатчикъ чужихъ рѣчей, авторъ излагаетъ разсужденія самаго Іова и друзей его о причинѣ постигшихъ Іова несчастій и наконецъ рѣчи Іеговы. Читателю, при самомъ бѣгломъ чтеніи книги, можно примѣтить, что все дѣло касается здѣсь объясненія одного подлежащаго факта—страданій праведнаго Іова.

Изъ чего можно заключать, что авторъ хотѣлъ въ своей книгѣ представить объясненіе загадочнаго явленія страданій великаго праведника.

Издавая собственныя рѣчи лицъ, разсуждающихъ о причинѣ страданій Іова, авторъ видимо отдѣляетъ себя отъ нихъ, какъ мы уже выше (стр. 261) замѣтили, употребленіемъ именъ Божіихъ. Этимъ обстоятельствомъ предполагается, что въ книгѣ Іова читатель увидитъ объясненіе страданій Іова лицами, стоящими на естественномъ пути жизни и руководившимися естественнымъ разумомъ, мудрецами — , и объясненіе со стороны самаго писателя, какъ служителя откровенія Іеговы. Само собою понятно, что главную мысль, какую авторъ хотѣлъ сказать въ своей книгѣ, надобно искать или въ той части, которая исключительно принадлежитъ ему, въ его повѣствованіи, или въ той, въ которой заключаются рѣчи мудрецовъ и Іеговы, въ поэтической, или во взаимномъ отношеніи обоихъ частей, повѣствовательной и поэтической. Чтобы открыть эту мысль, прослѣдимъ движеніе вопроса о причинѣ страданій праведнаго Іова въ обоихъ частяхъ книги.

Начнемъ съ поэтической части; такъ какъ вопросъ о причинѣ страданій Іова возбужденъ самимъ страдальцемъ и разрѣшался первоначально въ обществѣ мудрыхъ.

1. Вопросъ о причинѣ страданій Іова находился въ тѣсной связи съ ученіемъ мудрыхъ о воздаяніи, и прямой отвѣтъ на него заключался въ этомъ ученіи. Такъ какъ Богъ справедливъ и воздастъ каждому должное; то, по ученію мудрыхъ, страданія служатъ признакомъ отверже-

— 5 —

нія Божія и суть не что иное, какъ кара небеснаго правосудія за грѣхи, какъ, и наоборотъ, благоденствіе служить знакомъ благоволенія Божія и воздаяніемъ за добродѣтели. Іовъ вѣрилъ, что счастье и несчастье посылаются человѣку отъ Бога, и что Богъ, по правосудію своему, долженъ назначать жребій людямъ, соображаясь съ ихъ нравственнымъ достоинствомъ, соразмѣрно съ ихъ праведностію или нечестіемъ. Но пораженный страшными бѣдствіями и лютою болѣзнію, Іовъ не признавалъ за собою никакой вины. Поэтому, страданія его казались ему не понятными, загадочными. И онъ ищетъ причины, почему Богъ такъ поступаетъ съ нимъ.

Друзья Іова, выходя изъ того же ученія, стараются доказать ему свидѣтельствомъ предковъ и ученіемъ древнихъ мудрецовъ, примѣрами древней исторіи и опытами своего времени, что Богъ не отвергаетъ непорочнаго и не поддерживаетъ нечестивыхъ; и потому, если Іовъ страдаетъ, то причина не другая можетъ быть, какъ его грѣхи, за которые правосудный Богъ подвергъ его наказанію; и Іову не остается ничего болѣе, какъ принести покаяніе и исправить свое поведеніе, для того что бы возвратить благоволеніе Божіе. Но такъ какъ Іовъ не признавалъ за собою грѣховъ; то друзья сперва напоминаютъ ему, что смертный не можетъ быть чистымъ предъ Богомъ, когда Онъ и въ ангелахъ усматриваетъ недостатки (4, 17. 18. 25, 4),—что Богъ видитъ болѣе, чѣмъ самъ человѣкъ,—что если бы Богъ явилъ Іову тайны премудрости Своей и открылъ Самосущее, тогда Іовъ самъ бы увидѣлъ, что Богъ предалъ еще забвенію вѣчто изъ беззаконій его (11, 4—6. 11). Потомъ, когда Іовъ твердо стоялъ на своей

— 6 —

невинности, стараются указать ему дѣйствительные его пороки и беззаконія (22, 5—11).

Іовъ признаетъ, что не можетъ быть чистымъ происходящій отъ нечистаго, — такого человѣка нѣтъ ни одного на свѣтѣ (14, 4), и что если ставить человѣка предъ величіемъ Вседержителя (т. е. если сравнивать праведность человѣка съ святостію Божіею), то онъ не можетъ устоять на судѣ предъ Нимъ (9, 14. 15. 20. 28—32. 34. 35). Но судить по этому началу о несправедности человѣка, котораго поразили Богъ страданіями выше силъ человѣческихъ, для того, чтобы защитить справедливость суда Божія надъ нимъ, значило, по мнѣнію Іова, показывать *пристрастіе къ Богу, лицепріятствовать Ему, говорить ради Бога ложь и неправду* (13, 7—10), и не имѣть никакого состраданія къ человѣку. Чѣмъ слабѣе созданіе Божіе, тѣмъ Создатель долженъ быть милостивѣе и снисходительнѣе къ нему (10, 4—13); и если посылаетъ страданія невинному для очищенія какихъ либо грѣховъ, неизбежныхъ для человѣческой природы, то страданія эти должны быть соразмѣрны съ виною, а не такія тяжелыя и мучительныя, какія испытываетъ непорочный Іовъ. При томъ изъ такого умствованія, какое высказывали друзья Іова, должно бы слѣдовать, что въ мірѣ нѣтъ ни одного праведника, и не можетъ быть, и что всѣ люди должны рождаться не иначе, какъ на страданіе, какъ одинъ разъ и проговорился Елифазъ (5, 7). Но такое слѣдствіе явно противорѣчило дѣйствительности. Почему Іовъ справедливо назвалъ разсужденія друзей разсужденіями *непелеными*, а основанія ихъ *мнимыми* (13, 12). Чтожъ касается до беззаконій, въ которыхъ укоряли Іова друзья его, то Іовъ

свидѣтельствовался Богомъ, что совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ его, и что онъ готовъ теперь же предстать на судъ предъ Богомъ, и совершенно увѣренъ, что выйдетъ изъ суда правымъ (31, 36. 37).

Между тѣмъ, всматриваясь въ дѣйствительность, и обращая на нее вниманіе друзей, Іовъ подвергаетъ сомнѣнію самое основное ихъ положеніе, что только грѣшники страдаютъ; напротивъ, говоритъ, они спокойны и благоденствуютъ: *спокойны шатры у грабителей, и безопасны жилища у раздражающихъ Бога, у того, для кого Богъ — собственная рука его* (12, 6).

Друзья, отстаивая свое положеніе, представляютъ Іову, что счастье нечестивыхъ только кажущееся, такъ какъ ихъ постоянно мучитъ совѣсть (15, 20. 11. 18, 11), — что оно не прочно и кратковременно (15, 29. 31. 32. 20, 5—9), — и что если бы они сами не получили въ жизни заслуженнаго возмездія, то послѣ нихъ Богъ возместитъ на родъ ихъ (20, 10), или не продлитъ ихъ потомства (18, 19).

Противъ такого разсужденія Іовъ представляетъ: «Напротивъ, беззаконные живутъ, состарѣваются и силами еще крѣпки; дѣти ихъ въ устроенномъ, какъ и они, состояніи, и внуки ихъ на глазахъ у нихъ; дома ихъ — миръ, безъ страха, и жезла Божія нѣтъ на нихъ; стада у нихъ размножаются; и сами они громко поютъ подъ звуки свирѣли, — во все не видно, чтобы совѣсть терзала ихъ; и оканчиваютъ дни свои въ счастіи, безъ всякой болѣзни, не смотря на то, что они отреклись отъ Бога и не хотѣли знать никакихъ путей Его (21, 7—15). Изъ чего видно, что Богъ не воздастъ нечестивымъ по дѣламъ ихъ».

Присматриваясь еще болѣе къ тому, что происходитъ на землѣ, Іовъ приходитъ къ убѣжденію, что и вообще не видно, чтобы Богъ въ раздаяніи жребія сообразовался съ нравственными свойствами людей: печестивые и беззаконные спокойно совершаютъ разныя непотребства и злодѣянія, а добрые и праведные часто отъ нихъ же терпятъ притѣсненія; тѣ благоденствуютъ всю жизнь, хотя достойны того, чтобы проклятіе поразило ихъ, а эти сходятъ въ могилу въ горести души, не вкусивъ блага жизни (21, 23—25; 24, 2—24). Поражаясь этими явленіями и перенося ихъ на свой собственный опытъ, Іовъ вопіетъ предъ правосудіемъ Вседержителя за себя, безъ всякой вины терпящаго тяжкія страданія,—за праведниковъ, которые не могутъ не ужасаться, видя страданіе праведныхъ и благоденствіе нечестивыхъ (17, 8),—и за самую правду, которая не можетъ не поколебаться, когда выгоднѣе быть нечестивымъ, чѣмъ праведнымъ, когда нечестивый пользуется благоволеніемъ Божиимъ, а праведный напротивъ страдаетъ (9, 22. 10, 15. см. 34, 9. 35, 3).

Въ виду столь очевидныхъ явленій счастья и несчастья, стоящихъ въ видимомъ противорѣчій съ понятіемъ о небесномъ правосудіи, друзья Іова не находятъ болѣе возраженій противъ него, и доводовъ къ защищенію своего ученія о воздаяніи, и потому умолкаютъ.

2. Послѣ друзей выступаетъ противъ Іова съ своими разсужденіями молодой мудрецъ, Эліуй. Стоя на томъ же ученіи о *воздаяніи*, какого держались друзья Іова, и котораго они не могли защитить противъ его возраженій, Эліуй въ своихъ разсужденіяхъ старается оправдать это ученіе

и выяснить практическое примѣненіе его къ отдѣльнымъ случаямъ.

Такъ какъ Іовъ наводилъ сомнѣніе на самую справедливость Вседержителя вразсужденіи суда и воздаянія; то Эліуй старается доказать Іову, что Богъ не можетъ поступать не справедливо, Вседержитель не можетъ покривить правду; иначе Онъ не могъ бы управлять вселенной; и если бы захотѣлъ когда либо губить безъ вины и законовъ, то вдругъ все бы погибло (34, 12—17). И для того, чтобы управлять вселенною по правдѣ, Онъ имѣетъ все, что нужно для этого: имѣетъ могущество, предъ которымъ ничто не можетъ устоять (20), имѣетъ всевѣдѣніе, отъ котораго зло и беззаконіе нигдѣ не могутъ укрыться (21—27), имѣетъ наконецъ состраданіе къ обиженнымъ, для того чтобы защитить ихъ отъ притѣсненій (28).

По дѣйствія правосудія Божія совершаются не по нашему разсужденію. *По твоему ли разсужденію*, говорятъ Эліуй Іову, *Онъ долженъ воздавать за все* (34, 33)? Богъ безконечно выше человѣка умомъ Своимъ, видитъ дальше и знаетъ больше, чѣмъ человѣкъ, однимъ словомъ—видитъ все и знаетъ все; потому естественно, соображенія Бога о воздаяніи людямъ не могутъ сходиться съ соображеніями человѣка, крайне ограниченными и поверхностными; и человѣку съ его ограниченнымъ умомъ и разумѣніемъ никогда не понять, почему Богъ поступаетъ такъ, а не иначе, воздаявая людямъ. Какъ вообще и другихъ дѣлъ Творца, относящихся къ управленію вселенной, мы не понимаемъ (37, 14—22); такъ не можемъ постигать и дѣйствій суда и правды Его, относящихся къ раздаянію жребія людямъ. А требовать отъ Него отчета не свойст-

венно человѣку, ибо Онъ болѣе человѣка (33, 12. 13. 37, 23); тѣмъ болѣе не свойственно человѣку судить или осуждать Его дѣйствія, которыхъ мы понимать не можемъ (34, 18. 35, 23). Поэтому, человѣкъ долженъ съ благоговѣніемъ принимать всякое Его опредѣленіе и не высокоумствовать, а безмолвно покоряться Его праведной волѣ (37, 24. 34, 31. 32). Ибо Онъ не взираетъ ни на кого изъ высокоумныхъ (37, 24).

Изъясняя примѣненіе ученія о *воздаяніи* въ частнымъ случаямъ, Эліуй стоитъ на той же мысли, какъ и друзья Іова, что *беззаконному Богъ не позволитъ процвѣтать, а отъ праведниковъ не отвращаетъ очей Своихъ* (36, 6. 7). Но друзья Іова дѣлали изъ этого положенія строгое примѣненіе ко всякому частному случаю, такъ что выходило у нихъ: кто страдаетъ, тотъ непременно грѣшникъ; кто благоденствуетъ, тотъ праведникъ. Несчастіе, поэтому, есть кара Божія за грѣхи, явный знакъ отверженія Божія. Хотя говорили они Іову: *обратись къ Богу, удали отъ себя беззаконіе, и—Богъ возвратитъ къ тебѣ Свое благоволеніе*; но пока это не случилось, тотъ, кто страдаетъ, есть явно отверженный Богомъ, какъ грѣшникъ. Эліуй смягчаетъ это суровое ученіе, представляя, что Богъ не всегда наказываетъ во гнѣвъ Своемъ (35, 45). Слѣдовательно, страдалецъ и несчастный могутъ смотрѣть на себя не какъ на отверженныхъ Богомъ, но какъ на такія существа, въ которыхъ обращено еще лице Божіе, и къ которымъ Онъ простираетъ милостивую десницу Свою. Самыхъ грѣшниковъ постигаютъ иногда болѣзни,—разсуждаетъ Эліуй,—не потому, что Богъ хочетъ наказать ихъ за грѣхи, а съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ на правый

путь (33, 23) и отвести душу от гибели (28). По разсужденію Эліуя, Богъ подвергаетъ бѣдствіямъ и праведниковъ, также не въ видахъ наказанія, а въ видахъ нравственной пользы для нихъ и большаго совершенства, съ тѣмъ чтобы или очистить отъ имѣющихся у нихъ прегрѣшеній, или отвлечь ихъ отъ надменія, которое легко приражается къ человѣку, сознающему въ себѣ нравственныя совершенства (36, 8—16). Страданія, такимъ образомъ, по мнѣнію Эліуя, имѣютъ значеніе не *карательное* только, какъ думали друзья Іова, но весьма часто *исправительное, педагогическое*. При этомъ Эліуй замѣчаетъ Іову, что пока не пришелъ конецъ страданію, никто не можетъ знать, зачѣмъ оно послано ему (35, 14; и потому, во всякомъ случаѣ человѣкъ долженъ принимать его съ покорностію волѣ Божіей (34, 31. 32).

И такъ, за что же страдаетъ Іовъ, по мнѣнію Эліуя? Хотя Богъ наказываетъ не всегда во гнѣвѣ, а весьма часто съ благою отеческою цѣлю, въ видахъ вразумленія, исправленія, очищенія и совершенства наказуемыхъ; но всегда предполагается въ наказуемыхъ, будутъ ли то грѣшники или праведники, нравственная причина, вызвавшая со стороны всеблагаго Вседержителя отеческую мѣру вразумленія, исправленія, очищенія и проч. Стало быть, такая нравственная причина была и въ Іовѣ, котораго Богъ подвергъ тяжкимъ бѣдствіямъ и страданіямъ. Эліуй не укоряетъ Іова въ грѣхахъ и беззаконіяхъ, какъ укоряли его друзья (22, 5); онъ признаетъ его даже праведникомъ (36, 7. 8 сн. 16 ст.); но ясно намекаетъ на надменіе Іова своею праведностію, по коему онъ позволилъ себѣ наговорить такъ много пустаго и безразсуднаго о своемъ

Создатель, пославшемъ ему страданія не во гнѣвъ, а ради его же пользы: *но какъ нынѣ* ¹⁾, говоритъ Эліуѣ, *еще не имѣвъ Его наказываетъ, и Онъ еще не судитъ надменія всею строгостію; то Іовъ и разверзъ уста свои на пусто-словіе, во множествѣ сыплетъ безразсудныя рѣчи* (35, 15. 16). Такимъ образомъ, по разсужденію Эліуѣ, Іову ниспосланы страданія, не какъ кара Божія за грѣхи и беззаконія, а какъ отеческая мѣра любви Божіей для отвращенія его отъ надменія своею праведностію.

3. Іегова не обвиняетъ Іова въ какихъ либо грѣхахъ и беззаконіяхъ, какъ укоряли его друзья, не обличаетъ и въ надменіи своею праведностію или гордости, какъ укорялъ Эліуѣ, но осуждаетъ излишнее мудрствованіе о дѣйствіяхъ Вседержителя, какое позволилъ себѣ Іовъ во время своихъ страданій, забывъ мѣру своего крайняго разумѣнія.

Іовъ не видя причины своихъ страданій, домогался, чтобы Богъ объявилъ ему, за что онъ страдаетъ. Іегова въ первой рѣчи Своей приводитъ Іова къ сознанію, что человѣкъ никогда своимъ умомъ не можетъ проникнуть въ тайну дѣйствій Вседержителя, и что всякое домогательство знать, почему Богъ поступаетъ съ человѣкомъ такъ или иначе, есть дерзновеніе, не свойственное человеку.

¹⁾ Іов. 35, 15: *но какъ нынѣ* (נָעֻז) *еще не имѣвъ Его наказываетъ...* *Нынѣ* (נָעֻז) указываетъ здѣсь не на время настоящей жизни, противопоставляя его другой—будущей,—что съ точки зрѣнія нашихъ мудрыхъ не мыслимо, но на опредѣленные, извѣстные бѣдствія и страданія, кои терпитъ Іовъ.

Іовъ, частію по своему опыту, частію по наблюденію надъ другими людьми, приходилъ къ убѣжденію, что Богъ не воздаетъ людямъ по справедливости. Во второй рѣчи Своей Іегова приводитъ Іова къ сознанію, что человѣкъ, котораго безсиліе показывается ясно и въ отношеніи къ физической окружающей его природѣ, не виравѣ судить и осуждать дѣйствія всемогущаго Вседержителя, относящіяся къ проявленію Его правосудія въ нравственномъ мірѣ.

Такимъ образомъ рѣчи Іеговы не разрѣшаютъ вопроса о причинѣ страданій Іова, напротивъ, устраниаютъ всякое домогательство знать, почему Богъ поступаетъ съ нимъ такъ а не иначе, какъ не свойственное человѣку.

Іовъ принимаетъ это рѣшеніе, сознастъ крайнюю ограниченность своего ума и знанія и свое неразуміе во всемъ, что говорилъ прежде о божественномъ міроуправленіи, и приноситъ покаяніе въ пепѣ и прахѣ (39, 34. 35. 42, 2—6).

4. Передавая эти разсужденія своимъ читателямъ, авторъ книги нашей, какъ служитель Откровенія Іеговы, приподнимаетъ завѣсу другаго міра, сокрытаго отъ очей естественнаго разумѣнія, и находитъ въ немъ объясненіе не разгаданной тайны страданій праведнаго Іова.

Въ *прологѣ*, послѣ краткаго изображенія жизни Іова до его страданій, его благочестія и праведности, авторъ указываетъ истинную причину его страданій. Причина заключается въ томъ, что Сатана, въ собраніи небесныхъ силъ, клеветалъ предъ Іеговою на Іова, что онъ служитъ Богу корыстно, потому только, что Богъ надѣлилъ его

большимъ счастьемъ, что на самомъ дѣлѣ Іовъ вовсе не такой человѣкъ, какимъ представляетъ его Іегова, что пусть все будетъ отнято у него, тогда онъ въ лице станетъ хулить Іегову. Чтобъ испытать Іова, Іегова предалъ его въ руки Сатаны, который сперва лишилъ его всего имущества и дѣтей, а потомъ поразилъ самую лютою болѣзнію.

Въ *Эпилогѣ* авторъ повѣствуетъ, что Іовъ, по выдержаніи ниспосланнаго ему испытанія, получилъ сугубое возвращеніе всего, что было отнято у него; Богъ благословилъ его многочисленнымъ потомствомъ, долголѣтіемъ, такъ что Іовъ кончилъ свои дни въ глубокой старости и насытившись жизнію.

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, движеніе вопроса о причинѣ страданій Іова въ обоихъ частяхъ книги, повѣствовательной и поэтической, усматриваемъ, что на первомъ планѣ ея выступаютъ слѣдующія мысли: 1) Праведный Іовъ страдаетъ не за грѣхи, но по волѣ Божіей, для испытанія его праведности, заподозрѣнной и оклеветанной Сатаною. 2) Такъ какъ опредѣленія премудраго и всемогущаго Бога, относящіяся къ управленію нравственнымъ міромъ, сокрыты отъ человѣка, и никакая мудрость человѣческая не можетъ постигнуть ихъ; то, какъ со стороны мудрыхъ было не справедливо и безчеловѣчно, для того чтобы защитить правду Божію, осуждать Іова въ порокахъ и беззаконіяхъ, которыхъ онъ не имѣлъ, такъ и со стороны Іова дерзновенно-допытываться отъ Бога, почему онъ страдаетъ, и обвинять премудраго и всемогущаго Творца своего въ несправедливости: судьбы Божіи не испо-

вѣдимы, потому должны быть принимаемы съ безусловною покорностію волѣ Божіей. 3) Послѣ испытанія, показавшаго въ Іовѣ искреннюю преданность Богу, Богъ вознаградилъ его сугубымъ счастіемъ.

Главная сила заключается, очевидно, въ первой мысли, такъ какъ въ ней содержится и разрѣшеніе вопроса, занимавшаго нашихъ мудрецовъ: *Іовъ страдаетъ по повѣлѣ Сатаны для испытанія его праведности*. Частный ли это случай, или онъ имѣетъ какое либо общее значеніе? Вопросъ касается лица, поразившаго Іова тяжкими бѣдствіями и страданіями, и его отношенія къ нравственному міроуправленію Божію.

Лице поразившее Іова тяжкими бѣдствіями и страданіями, называемое въ нашей книгѣ Сатаною, есть злой духъ, отпадшій отъ Бога, прельстившій нашихъ прародителей въ раю и посѣявшій въ мірѣ зло. Откровеніе Божіе, возвѣстивши на первыхъ страницахъ своихъ о первомъ погибельномъ дѣйствіи Сатаны въ нашемъ мірѣ, рѣдко потомъ, въ весьма немногихъ случаяхъ касается его частныхъ дѣйствій въ отношеніи къ людямъ (1 Цар. 16, 14. 2 Цар. 24, 1 сн. 1 Цар. 21, 1. 3 Цар. 22, 21. 22. 2 Цар. 24, 16. 4 Цар. 19, 35); но объ отношеніи его къ нравственному міроуправленію Божію до поздняго времени нигдѣ ничего не говоритъ. Въ первый разъ это отношеніе показывается, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (стр. 121), въ видѣніи пророка Михея (3 Цар. 22, 19—23), потомъ въ видѣніяхъ пр. Захаріи, гдѣ сатана является предъ Ангеломъ Іеговы по правую руку первосвященника Іисуса, *чтобы обвинять его* (Зах. 3, 1. 2. 8). Но гораздо полнѣе, яснѣе

и опредѣленіе это отношеніе показывается въ нашей книгѣ. Здѣсь онъ представляется предъ Іеговою въ собраніи небесныхъ силъ—ангеловъ; у него спрашиваетъ Іегова, гдѣ онъ былъ; онъ отвѣчаетъ, что ходилъ по землѣ и обошелъ ее; потомъ даетъ свое сужденіе о праведномъ Іовѣ, когда Іегова спросилъ его, обратилъ ли онъ вниманіе на этого человѣка, которому подобнаго нѣтъ на землѣ, непорочнаго и справедливаго, боящагося Бога и удаляющагося отъ худаго; за тѣмъ получаетъ отъ Іеговы дозволеніе испытать его праведность, и подвергаетъ испытанію. Конечно, не съ этого времени начинается дѣйствіе злаго духа въ нравственномъ мірѣ Божіемъ. Оно началось съ первымъ грѣхомъ, посѣяннымъ имъ въ мірѣ, съ того времени, какъ объявлена Богомъ вражда между сѣменемъ жены и сѣменомъ змія (Быт. 3, 15). Но это страшное лице съ его силою и дѣйствіями, допущенными въ божественномъ міроуправленіи, до настоящаго времени оставалось сокровеннымъ и таинственнымъ. Были, безъ сомнѣнія, причины у премудраго Вседержителя, почему ранѣе послѣдняго періода Откровеній Божіихъ не было оно показано людямъ. Какъ лице Спасителя рода человѣческаго отъ власти діавола въ пророческихъ откровеніяхъ уяснялось людямъ постепенно и послѣдовательно, по мѣрѣ раскрытія въ нихъ духовнаго сознанія; такъ и образъ исконнаго врага человѣковъ открывался людямъ мало по малу, и только, послѣ полного пророческаго раскрытія тайны домостроительства Божія о спасеніи человѣческаго рода, при заключеніи ветхозавѣтнаго Откровенія, показывается въ нашей книгѣ во всей прозрачности, съ какою онъ является потомъ въ повозавѣтномъ Откровеніи.

Зачѣмъ Сатанѣ дана такая сила въ божественномъ міроправленіи, что онъ можетъ не только клеветать на праведника, но и подвергать его страшному испытанію или истязанію? Вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ: почему дѣйствія Сатаны въ нравственномъ мірѣ не остановлены Вседержителемъ послѣ пераго открытія ихъ, — почему не положенъ конецъ распространенію зла и владычества Сатаны въ мірѣ въ самомъ началѣ? Вопросъ этотъ принадлежитъ Богословію, а не Библиологіи; потому воспользуемся готовымъ отвѣтомъ на него. Богословы обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что Богъ, даровавши свободу своимъ твореніямъ, не отымаетъ ее у нихъ ¹⁾. Дѣломъ свободы діавола было — отложиться отъ Бога; дѣломъ свободы было — возмутить противъ Бога другихъ духовъ и увлечь на свою сторону, обольстить нашихъ прародителей и совращать на путь грѣха и удаленія отъ Бога всѣхъ людей, отъ падшаго Адама происходящихъ. Отъ воли и свободного произволенія зависило также: отпадшихъ духовъ — послѣдовать за своимъ предводителемъ, возмутившимся противъ Бога, нашихъ прародителей — принять коварный совѣтъ Искусителя на непослушаніе Творцу своему; отъ свободного про-

¹⁾ Правосл. догмат. Богословіе Филарета, архіеп. черниг. ч. I. § 97: *Отношеніе Промыслителя къ свободѣ и злу*; 104: *Отношеніе Промыслителя къ духамъ; паденіе нѣкоторыхъ*. «Кто осмѣлится вѣрить или думать, говорить блажен. Августинъ, что во власти Божіей не состояло, чтобы ни ангелъ, ни человекъ не пали? Но Онъ не хотѣлъ лишать ихъ свободы, и показалъ, сколько зла можетъ причинять гордость ихъ и сколько добра — благодать Его». De civit. Dei 14, 27.

изволенія каждого человѣка зависитъ оставаться вѣрнымъ Богу или послѣдовать соблазнамъ и искушеніямъ ко грѣху и отступленію отъ заповѣдей Божіихъ. Дарованія Божіи не преложны (Рим. 11, 29). Богъ не привлекаетъ никого къ себѣ противъ воли. Но, какъ премудрый и всеблагый Творецъ, въ безднахъ премудрости Своей находитъ средство дѣйствія Сатаны обратить къ пораженію его,—зло, посѣянное имъ въ мірѣ, направить ко благу Своихъ избранныхъ и къ славѣ Своего царства.

Будетъ время, когда *Пришедшій разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. 3, 8) *низложитъ его подъ ноги Свои* (1 Кор. 15, 25); новозавѣтное Откровеніе возвѣщаетъ намъ, что съ послѣднимъ днемъ міра окончится царство діавола, и онъ вмѣстѣ съ увлеченными имъ послѣдователями своими будетъ преданъ вѣчному мученію (2 Петр. 2, 4. Іуд. 1, 6. Мат. 25, 41). Но въ царствѣ свободно—разумныхъ существъ побѣда достигается не насиліемъ, но доведеніемъ врага до сознанія своего безсилія; истина торжествуетъ не принужденіемъ, но убѣжденіемъ противящихся ей, что она истина, и что противъ нея нельзя ничего сказать; истинная добродѣтель показываетъ себя не ослѣпляющимъ блескомъ, не оглушающею молвою о ней, но внутреннею нравственною силою, которой не могутъ сокрушить никакія искушенія и испытанія. Въ этихъ видахъ, правящій Своимъ царствомъ Вседержитель попускаетъ Сатанѣ дѣйствовать, съ свойственною ему враждою, противъ избранныхъ рабовъ Своихъ, для того чтобы праведнымъ дать случай высказать свою вѣрность Богу, показать скрывающееся въ ихъ сердцахъ сокровище добра, смиреніе, терпѣніе, кротость, покорность судьбѣ, преданность волѣ Божіей, самоотверже-

ніе, безстрастіе, любовь и проч., что бы темная враждебная сторона была посрамлена, а божественное избраніе оправдалось, чтобы ясно открылось, что *ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни другая какая тварь, ни настоящее, ни будущее не могутъ отлучить ихъ отъ любви Божіей* (Рим. 8, 38. 39). И врагъ Бога и человѣковъ, злой духъ употребляетъ всѣ свойственныя ему мѣры къ озлобленію праведныхъ: ложь, клевету, соблазнъ, прельщеніе, разныя физическія бѣдствія и проч. Возбуждаетъ противъ нихъ своихъ послѣдователей, людей нечестивыхъ и беззаконныхъ, которые преслѣдуютъ ихъ ненавистію, насмѣшками, порицаніями, клеветою, притѣсненіемъ и гоненіями. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ злаго духа, клонящихся къ разрушенію царства Божія, замѣчается всегда одно направленіе: обращая свое оружіе противъ праведныхъ, прямо или косвенно, тайно или открыто, направляетъ его противъ Бога, съ тѣмъ чтобы помрачить славу Его въ царствѣ Его, возбудить въ людяхъ невѣріе, подавить страхъ Божій и погасить любовь къ Нему. Поэтому, Богъ, попуская искушенія избраннымъ Своимъ, бываетъ. Самъ споборникомъ ихъ, подаетъ утѣшеніе въ скорбяхъ, укрѣпляетъ въ изнеможеніи, и *не попускаетъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи даетъ и облеченіе, такъ чтобы они могли перенести* (1 Кор. 10, 13).

Образъ дѣйствій Сатаны въ отношеніи къ праведнымъ, какъ и отношеніе къ нему Бога Вседержителя, очень ясно показываются въ нашей книгѣ. Діаволъ предъ цѣлымъ собраніемъ вышихъ духовныхъ существъ клеветаетъ, что Іовъ служитъ Богу потому

только, что Богъ кругомъ оградилъ его, и домъ его, и все, что у него есть, и благословляетъ дѣло рукъ его. Клевета на Іова падаетъ на самаго Бога, есть клевета на справедливость Вседержителя. Іовъ лицемеръ, добродѣтель его изъ одного расчета, Богъ не по справедливости надѣлилъ его такимъ счастьемъ, Богъ за свои дары покупаетъ у Іова расположеніе къ Себѣ,—всѣ эти мысли заключаются въ злобной, вражеской клеветѣ Сатаны. Чтобы оправдать Свою справедливость въ отношеніи къ праведнику и показать истинную добродѣтель праведника, и что онъ не даромъ пользуется такимъ благоволеніемъ, Богъ дозволяетъ Сатанѣ подвергнуть Іова испытанію, отнять у него все, что имѣетъ, только бы самаго его не касаться. Сатана въ одинъ день отнялъ все у Іова, чтобы сдѣлать ударъ какъ можно тяжелѣе. Іовъ не измѣнилъ Богу и не произнесъ ни одного слова ропота или недовольства на своего Благодѣтеля, остался съ тою же преданностію Ему, какъ и былъ. По видимому, нечего болѣе сказать противъ Іова. Сатана нашель: «Іовъ такой закоснѣлый самолюбецъ (эгоистъ), который не можетъ чувствовать ни лишенія имущества, ни жалости къ дѣтямъ, только бы не касались его самаго. Но если коснуться костей его и плоти его, тогда онъ въ лице будетъ проклинять Бога». Чтобы еще испытать Іова, Богъ отдаетъ его самаго въ руки Сатаны, только бы онъ сохранялъ жизнь его. Сатана поражаетъ Іова проказою лютою отъ подошвы ноги по самое темя его,—болѣзнію, которая называлась *первородною дочерію смерти* (18, 13) и почиталась самою ужасною. Іовъ и въ этомъ случаѣ не произнесъ ни одного слова оскорбительнаго для Бога.

Испытаніе Іова этимъ, однакожъ, не кончилось. Противъ праведнаго Іова возстали тѣ, отъ кого ожидалъ онъ утѣшенія въ тяжкихъ страданіяхъ своихъ. Клевета Сатаны, невѣдомыми путями, оказалась въ устахъ друзей Іова, и съ такою же горечью, если еще не съ большею. Являясь защитниками Бога, ревнителями Его славы, друзья Іова, дотолѣ знавшіе его какъ человѣка благочестиваго и непорочнаго (Іов. 4, 5), укоряютъ его въ лицемеріи (13, 16, см. 8, 13), обвиняютъ въ великихъ порокахъ и беззаконіяхъ (22, 5), которые дѣлалъ онъ втайнѣ, скрываясь отъ людей, т. е. говорятъ, что Іовъ не таковъ, какимъ казался онъ въ глазахъ людей, и съ самымъ грубымъ безчеловѣчіемъ позволяютъ себѣ оскорблять праведника, какъ отверженнаго Богомъ грѣшника.

Какъ злой духъ, духъ отвращенія и презрѣнія къ праведному страдальцу поселился во всѣхъ, кои любили прежде окружать его и служить ему: братья и знакомые оставили его (19, 13. 14); слуги и служанки отчуждились отъ него (15. 16); роднымъ стали противны ласки его (17); малыя дѣти презираютъ его (18); бывшіе любимцами его, которымъ повѣрялъ прежде тайны свои, гнушаются имъ (19). Правда, отчужденіе отъ Іова возбуждалось смраднымъ зловоніемъ отъ ранъ его и тѣмъ безобразнымъ видомъ, какой представлялъ гніющій и обнаженный до костей трушъ его; но искренно преданная любовь могла стать выше этихъ отталкивающихъ обстоятельствъ и найти средство, насколько возможно, приблизить себя къ страдальцу и сдѣлать менѣе замѣтнымъ для него его одиночество.

Наковецъ, нашлись негодные люди, изверженные изъ общества, которые ругаются ему, плюютъ въ лицо, и обратили его въ предметъ посмѣшища и глумленія (30, 9. 10).

Всѣ эти какъ нравственныя такъ и физическія страданія Іовъ вынесъ, не только не отступивъ отъ Бога, но сохранивъ твердую вѣру въ Него и ожидая отъ Него Одного выхода изъ своего горестнаго положенія. Если изъ устъ его слышатся тяжкія жалобы отчаянія, то онѣ были не что иное, какъ естественные стоны и вопли человѣка, пораженнаго лютою болѣзнію. Самъ Іовъ объяснялъ ихъ друзьямъ своимъ, строго порицавшимъ его за оныя, какъ голосъ человѣческой немощи подъ ударами страшной судьбы. *Что моя сила, говорить онъ, чтобы я могъ надлѣяться (на выздоровленіе и продолженіе жизни)? и что остатокъ мой, чтобы я могъ продолжать терпѣніе? Твердость ли камней твердость моя? Плоть моя мѣдъ ли (6, 11. 12)? Думаете ли судить словъ? но слова лишившагося надежды лѣтятъ на вѣтеръ (26). Соизвольте воззрѣть на меня... Какая была въ языкъ моемъ погрѣшность? но развѣ гортань моя не чувствуетъ горечи (28 30)?*—Если Іовъ, далѣе, защищая предъ друзьями свою правоту, требовалъ суда отъ Бога, укорялъ Его въ несправедливости къ себѣ, обвинялъ въ неправосудіи, то въ этомъ показалъ сколько не свойственнаго человѣку высокоумія, столько же искренности и прямоты не порочной и правдивой совѣсти своей, чего не доставало въ друзьяхъ его, которые, изъ пристрастія къ Богу, говорили для него ложь и неправду (13, 7. 8) и готовы были отнять у невиннаго страдальца послѣднюю каплю жизни. Поэтому,

Иегова, осудивъ Іова въ излишнемъ мудрствованіи, обвинилъ друзей его въ томъ, что они говорили предъ Нимъ не такъ искренно ¹⁾, какъ рабъ Его Іовъ (42, 7).

Изъ отношенія Сатаны къ нравственному міроуправленію Божію, изъ дѣйствій, какія допускаетъ ему Богъ въ царствѣ Своемъ, видно, что страданія праведныхъ не различны съ жизнію ихъ. Это сознавали и ветхозавѣтные праведники, хогя не видѣли ясно причины такого порядка вещей. *Многи скорби праведнымъ*, говорилъ Псалмопѣвецъ (Псал. 33, 20). *Какъ искушаются въ печи серебро и золото, такъ избранныя сердца у Господа*,—читаемъ въ Притчахъ Соломоновыхъ, (Притч. 17, 3) ²⁾. Чисусъ сынъ Сираховъ представлялъ скорби въ такой тѣсной связи съ служеніемъ Богу, что всякій желающій стать на этотъ путь долженъ напередъ приготовить себя къ искушенію; говоря объ этомъ, сынъ Сираховъ даетъ прекрасныя наставленія къ перенесенію скорбей съ терпѣніемъ и упованіемъ на Бога. *Чадо, аще приступаеши работати Господеву Богу, уготови душу твою во искушеніе; управи сердце твое, и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія; прильпнися Ему, и не отступи, да возрастеши напоследокъ твой. Все, елико аще нанесено ти будетъ, приими,*

¹⁾ נִכְרָחָה отъ כִּי, въ ф. Niph, стоялъ твердо, былъ прямъ, въпрямъ, правдивъ, искрененъ. Пс. 77, 36. 37: *Льстили Ему устами своими, и языкомъ своимъ лгали Ему. Сердце же ихъ не вѣрно* (נִכְרָחָה — לֹא не искренне) было Ему.

²⁾ Читаемъ это мѣсто по греческому переводу. Въ еврейскомъ мысль выражена не полно: *плавильня для серебра, и горнило для золота; а сердца испытываетъ Иегова.*

и во измѣненіи смиренія твоего долотерни. Яко во огни искушается злато, и челоуѣцы пріятни въ пещи смиренія. Впруй Ему, и заступитъ тя, и управи пути твоя, и уповай на нь. Болящійся Господа, пождите милости Его, и не уклонитесь, да не падете и т. д. (Сирах. 2, 1. 2 и слѣд.). Въ повозавѣтномъ Огкровеніи жизнь христіанина не представляется иначе, какъ въ скорбяхъ и страданіяхъ, въ борьбѣ съ искушеніями и напастьми. Проповѣдуя Евангеліе, апостолы въ тоже время возвѣщали, что многими скорбями надлежитъ войти въ царствіе Божіе (Дѣян. 14, 22). Апостолъ Павелъ писалъ Тимоѣю, что всѣ, хотящіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы (2 Тим. 3, 12). Ап. Петръ указываетъ и главнаго виновника гоненій, воздвигаемыхъ на христіанъ, и страданій ими переносимыхъ. Трезвитесь, бодрствуйте, пишеть онъ къ разсѣяннымъ отъ гоненія по разнымъ странамъ христіанамъ, потому что противникъ вашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить. Противустойте ему твердою вѣрою, зная, что такія же страданія случаются и съ братьями вашими въ мірѣ (1 Петр. 5, 8. 9). Нѣсколько выше въ томъ же посланіи указываетъ цѣль этихъ страданій, воодушевляя къ терпѣнію и ободряя будущею славою. Возлюбленные! оиеннаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны; ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ. Тѣмъ Онъ хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое; а если какъ христіанинъ,

то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь. И такъ, страждущіе по волѣ Божіей да предадутъ Ему, какъ вѣрному Создателю. души свои. дѣлая добро (4, 12. 14—16 19)

Тяжела на землѣ участь праведныхъ. Но ихъ страданія, посылаемыя для испытанія вѣры и преданности Богу, приносятъ великую пользу имъ самимъ. Какъ бы человекъ ни возвышался въ духовномъ совершенствѣ, онъ не свободенъ отъ грѣховной нечистоты, присущей поврежденной природѣ его, и не чуждъ нравственныхъ недуговъ, зависящихъ отъ свободной воли. Страданія, ограничивая свободу дѣйствій, удерживая порывы ума и страсти, и возбуждая бдительность надъ собою и внутренними движеніями помысловъ и пожеланій, служатъ горниломъ, въ которомъ очищается грѣховная примѣсь въ естествѣ человѣческомъ. Приучаясь къ терпѣнію и благодушному перенесенію постигающихъ бѣдствій, напастей и гоненій, праведникъ сосредоточиваетъ вниманіе въ самомъ себѣ, чувствуетъ свое безсиліе, сознаетъ потребность высшей помощи, и крѣпче чѣмъ прежде привязывается къ Богу, подающему избавленіе отъ всѣхъ золъ и скорбей, находя въ молитвѣ къ Нему утѣшеніе, ободреніе и укрѣпленіе. Такимъ образомъ страданія служатъ къ укрѣпленію вѣры и преданности Богу. Встрѣчая въ земномъ порядкѣ вещей не привѣтъ, а неприязнь и озлобленіе, праведникъ устремляетъ свой взоръ къ другому міру, къ міру высшему, духовному, и въ немъ полагаетъ послѣднюю цѣль всѣхъ своихъ желаній, помысловъ и дѣйствій. Стремясь къ этой цѣли всѣми силами души, умомъ, сердцемъ и волею, и дѣятельно подвизаясь въ этомъ направленіи, онъ преобразуется внутренно по образу

Создавшего его и восходить отъ совершенства къ совершенству. Такимъ образомъ исконный врагъ Бога и чловѣковъ, преслѣдуя всѣми кознями своими избранныхъ Божіихъ, только содѣйствуетъ нравственному ихъ очищенію и укрѣпленію въ нихъ вѣры и преданности Богу, воспитываетъ для царства Божія совершеннѣйшихъ членовъ, и тѣмъ самымъ приготовляетъ побѣду и торжество надъ собою.

Такимъ образомъ, книга Іова, являясь въ концѣ Теоократіи, сообщаетъ Откровеніе, касающееся нравственного міроуправленія, объ отношеніи злаго духа къ царству Божію и его участіи въ судьбѣ праведныхъ, допускаемомъ со стороны Бога для проявленія въ мірѣ славы Своей и приготовления побѣды надъ царствомъ тьмы. Въ страданіяхъ това изображается, какъ въ типическомъ примѣрѣ, судьба всѣхъ праведныхъ. Въ дѣйствіяхъ Сатаны въ отношеніи къ Іову представляется общее отношеніе его ко всѣмъ праведникамъ. Очевидно, излагая исторію Іова, авторъ хотѣлъ объяснить загадочное положеніе праведныхъ въ настоящемъ порядкѣ нравственнаго міра. Это и есть главная мысль (идея) нашей книги. Фактическое выраженіе ея представляется въ слѣдующей формулѣ: *Богъ, въ видахъ торжества надъ врагомъ царства Своего, попускаетъ страдать праведнымъ для ихъ испытанія. Зная, что всѣ опредѣленія Божіи премудры и направлены къ откровенію божественной правды въ міръ, хотя и не постижимы для чловѣка, праведникъ долженъ нести возлагаемый на него крестъ съ безусловною покорностію волю Творца своего, твердо надѣясь, что страданія ведутъ къ высшему счастью, къ блаженству.*

Въ чему служила эта мысль? Что имѣлъ въ виду авторъ, предполагая въ своемъ произведеніи объяснить загадочное положеніе праведныхъ въ настоящемъ порядкѣ нравственнаго міра? Какіе были мотивы, вызвавшіе его къ изложенію исторіи страданій праведнаго Іова? Появленіе всякаго литературнаго произведенія можетъ быть представляемо или внѣ всякаго отношенія къ своему времени, или въ связи съ извѣстными историческими обстоятельствами, при которыхъ оно явилось. Въ первомъ случаѣ главная мысль произведенія есть вмѣстѣ и цѣль его. Въ послѣднемъ случаѣ, цѣль произведенія заключается въ томъ приложеніи, какое эта мысль имѣетъ къ читателямъ при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Конечно, указанная нами главная мысль книги Іова имѣетъ значеніе для всѣхъ временъ, доколѣ будетъ продолжаться на землѣ борьба семени жены съ семенемъ змія; но мы полагаемъ, что авторъ, принадлежа времени, знаменательному въ исторіи Θεократіи, стоя на послѣднемъ рубежѣ, гдѣ оканчивался рядъ боговдохновенныхъ пророковъ, и гдѣ избранный народъ на пути жизни оставлялся самому себѣ, находилъ приложеніе своей мысли въ обстоятельствахъ ближайшихъ Ему, которыя и вызвали его къ изложенію исторіи страданій праведнаго Іова.

И прежде всего полагаемъ, что авторъ, передавая Израилю *послѣднее слово откровенія*, въ судьбѣ праведнаго Іова хотѣлъ объяснить минувшую исторію избраннаго народа, сколько пользовавшагося милостями Іеговы, столько же проходившаго горнило тяжкихъ испытаній, и самое послѣднее— въ плѣну вавилонскомъ. Іегова, любя народъ Свой, не щадилъ для него жезла Своего, какъ для нравствен-

наго очищенія и исправленія его, такъ и въ показаніе Своей правды и безпристрастія въ нравственномъ мірѣ. Тайный врагъ царства Божія, безъ сомнѣнія, не упускалъ случая дѣлать все, что могло клониться къ уничтоженію избраннаго народа, въ которомъ готовилось пораженіе для него. Въ видѣніи пророка Захаріи знаменательно показывается, что, и въ то время, когда уже исполнилась мѣра испытанія плѣннаго Израиля, Сатана стоялъ въ совѣтѣ Іеговы по правую руку первосвященника Іисуса, представителя народа, *чтобы обвинять его* (Зах. 3, 1. 8). При этомъ *Іегова сказалъ Сатанѣ: Сатана! запрещаетъ тебѣ Іегова, запрещаетъ тебѣ Іегова, избравшій Іерусалимъ; не головня ли онъ, выхваченная изъ огня* (3, 2. 3)?

Исторію праведнаго Іова разрѣшается тайна того крестнаго пути, который проходили многіе ветхозавѣтные праведники, терпя въ жизни разныя искушенія, бѣдствія и часто гоненія отъ людей нечестивыхъ. Видя нечестивыхъ въ счастіи и благоденствіи, праведные вопрошали Бога о причинѣ своей участи, казавшейся не сообразною съ божественнымъ правосудіемъ; но ихъ вопросы оставались безъ отвѣта. Теперь изъ примѣра Іова видно, что они несли тяжелый крестъ ради испытанія, для того чтобы показать себя міру достойными божественнаго избранія и тѣхъ даровъ духовныхъ, которыми Іегова видимо отличалъ ихъ отъ другихъ людей.

Этимъ объясняется, какимъ образомъ въ изображеніе праведнаго Іова, его болѣзни, душевнаго настроенія, чувствъ и мыслей, у нашего автора вошли тѣ черты, которыми въ священныхъ книгахъ изображаются или Израиль по временамъ подвергавшійся страданію по опредѣленію Іеговы, или другіе страдальцы, принадлежавшіе ветхозавѣт-

ной церкви, или вообще древніе праведники, испытавшіе много скорбей въ своей жизни (см. стр. 109—112). Находя въ своемъ страдальцѣ сходство со всѣми другими страдальцами, священный Писатель хотѣлъ въ лицѣ его дать объясненіе въ свое время не разгаданной тайнѣ ихъ страданій и указать тотъ путь, коимъ Провидѣніе вело ихъ къ высшему нравственному совершенству.

Съ возвращеніемъ Израиля изъ плѣна вавилонскаго, наступилъ для него новый періодъ жизни, послѣдній въ исторіи Теоократіи. Не привѣтливо встрѣтила судьба сыновъ Израиля на родной ихъ землѣ. Лишь только начали они устроиться, явились противодѣйствія со стороны сосѣднихъ народовъ (Самарянъ, Моавитянъ, Аммонитянъ и др.), хотѣвшихъ воспрепятствовать сему. Не много отраднаго общалось имъ и въ будущемъ. Оставаясь подъ властію персидскихъ государей, не могли они предвидѣть ясныхъ дней свободы и независимости. И на самомъ дѣлѣ, до открытія на землѣ царства Мессіи, они только переходили отъ однихъ поработителей подъ власть другихъ, и среди почти непрерывной борьбы своихъ владыкъ—сосѣдей были зерномъ между мѣльничными жерновами. Между тѣмъ, въ пророческомъ предначертаніи судебъ народныхъ предвѣщались дни, особенно тяжелые для избраннаго народа, для *знающихъ Бога своего*, когда многіе изъ *благомыслящихъ будутъ падать отъ меча и пламени, въ плѣненіи и разграбленіи, чтобы во всемъ этомъ расплавиться, очиститься и убѣлиться къ послѣднему времени* (Дан. 11, 23—35). Эта не отрадная судьба Израиля и избранныхъ Божіихъ чувствовалось уже весьма живо во дни писателя нашей книги. Видя, что народъ избранный,

который одинъ назывался народомъ Божиимъ, и у котораго одного хранилась истинная вѣра, находится въ крайнемъ уничиженіи и порабощеніи у другихъ народовъ, тогда какъ другіе народы, незнающіе Іегову, благоденствуютъ, современники писателя нашей книги говорили: *если Іегова любитъ народъ Свой; то въ чемъ же Онъ проявилъ Свою любовь къ нему? Если Едомъ, братъ Іакова, также разоренъ; за то Едомъ надѣется опять возстановить разоренное, построить разрушенное; а у Іакова такой надежды нѣтъ* (Малах. 1, 2—4). Смущались и праведные, терпя разнаго рода бѣдствія и скорби, между тѣмъ какъ видѣли, что живущіе беззаконно благоденствуютъ, гордецы и надменные живутъ счастливо: казалось, что Богъ благоволитъ къ тѣмъ, которые дѣлаютъ зло, и напротивъ отвращается отъ тѣхъ, которые ходятъ въ путяхъ Его. Ревновавшіе о справедливомъ воздаяніи каждому по дѣламъ его спрашивали: *иде же Богъ правосудія* (Малах. 2, 17)?

Въ виду сихъ обстоятельствъ, священный Писатель нашей книги, изображая исторію страданій праведнаго Іова, хотѣлъ:

1) Показать причину, неизбежность и значеніе страданій, какъ испытываемыхъ, такъ и предстоящихъ впереди, для всѣхъ тѣхъ, кои принадлежали и имѣли принадлежать святому союзу (Дан. 11, 28), т. е. обществу вѣрныхъ сыновъ Іеговы. Равно сіе относится и къ цѣлому Израилю и къ отдѣльнымъ лицамъ. Близко было спасеніе Израиля; тѣмъ сильнѣе ожидались козни и напасти со стороны исконнаго врага Божія, со стороны тѣхъ міровыхъ силъ и дѣятелей въ мірѣ, которые шли противъ истинной вѣры, правды и святости. Испытаніе было не избѣжно. Израиль

къ пришествію Мессіи долженъ былъ показать, что онъ не даромъ избранъ Богомъ и пользовался милостями Іеговы болѣе другихъ народовъ. Къ этому *последнему времени* должны были явиться *очищенные и убѣленные* праведники, что бы встрѣтить давно ожидаемаго Мессію и быть достойными преемниками и провозвѣстниками благовѣстія о спасеніи.

2) Внушить, что человѣку не свойственно вступать въ споръ съ Богомъ и спрашивать, почему Онъ поступаетъ такъ а не иначе въ управленіи судьбою людей, почему, напримѣръ, любя Израиля, оставляетъ его подъ владычествомъ иноплеменныхъ народовъ, любя вѣрныхъ рабовъ Своихъ, оставляетъ ихъ въ бѣдѣ, скорбяхъ, притѣсненіи и гоненіи отъ нечестивыхъ, то есть, внушить смиреніе и покорность волѣ Божіей, и расположить къ терпѣливому перенесенію скорбей и бѣдствій.

3) Удостоверить нагляднымъ опытомъ, что скорби, лишенія и страданія, посылаемыя для испытанія праведныхъ и переносимыя съ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей, вознаграждаются отъ Бога сугубыми милостями и щедротами, что праведный, претерпѣвшій до конца, получаетъ отъ Бога сугубое воздаяніе.

1) Въ лицѣ Іова указать страдальцамъ примѣръ терпѣнія, вѣры и преданности Богу не смотря на самыя тяжелыя бѣдствія и лютыя страданія, ниспосланныя ему для его испытанія. Значеніе этого примѣра показано ясно въ новозавѣтномъ Откровеніи. Апостолъ Іаковъ, воодушевляя своихъ единоплеменниковъ, жившихъ въ разсѣяніи, къ благодушному перенесенію скорбей и постигшихъ ихъ

бѣдствій, совѣтуетъ имъ взять въ примѣръ злостраданія и долготерпѣнія пророковъ, которые говорили именемъ Господнимъ, и въ тоже время обращаетъ ихъ вниманіе въ особенности на Іова. *Вотъ, говоритъ, мы ублажаемъ тѣхъ, которые терпѣли. Вы слышали о терпѣніи Іова, и видѣли конецъ онаго отъ Господа; ибо Господь весьма милосердъ и сострадателенъ* (Іак. 5, 10. 11).

Когда есть врагъ, думаютъ о спасеніи отъ него. Если врагъ сильнѣе насъ, ищутъ спасителя сильнѣе врага. Вѣра въ спасителя укрѣпляетъ наше безсиліе; надежда на его силу ободряетъ насъ въ борьбѣ съ врагомъ и въ самой немощи возбуждаетъ усилія твердо стоять противъ него.—Испытаніе, постигшее Іова, было самое тяжелое; болѣе его мы вообразить не можемъ. Но велика и нравственная сила въ страдальцѣ; подобной трудно указать въ исторіи. Не смотря на то, въ борьбѣ Іова съ постигшими искушеніями мы видимъ, какъ труденъ и тяжелъ подвигъ для человѣка, оставленнаго самому себѣ, какъ многого не достасть у него, что бы выдержать борьбу, не пасть подъ тяжестью креста и не выпустить знамя изъ рукъ своихъ. Іовъ невинный и праведный лишень всего, пораженъ самою ужасною болѣзнію, въ жизни все для него потеряно, впереди шеоль съ однимъ мракомъ. Только отчаянный грѣшникъ можетъ быть спокоенъ среди такой мглы, надѣясь въ смерти освободиться отъ терзающей совѣсти. Праведникъ, у котораго только въ жизни счастье и утѣшеніе, который со всею искренностію и правдою служилъ Богу для того, что бы *жить, насладиться жизнію*, не можетъ не возмущаться среди такого мрака и

такого исхода жизни ¹⁾. Будь открыта ему будущая жизнь, знай онъ тайну искупленія, за тѣмъ воскресеніе изъ мертвыхъ, судъ и вѣчное воздаяніе, какъ извѣстно все это въ христіанствѣ, тогда онъ не смущался бы постигнувшею его участію, страданія не были бы столь тяжки, въ виду другой жизни за гробомъ съ ея вѣчнымъ блаженствомъ.—Іовъ имѣлъ крѣпкую вѣру въ Бога и Его правосудіе. Безупречный въ своей совѣсти, въ минуты воодушевленія этою вѣрою, онъ не могъ представить, что бы праведный Богъ не открылъ невинность и чистоту души его предъ друзьями, подозрѣвавшими и укорявшими его въ грѣхахъ и тайныхъ беззаконіяхъ. Но въ другой разъ, подъ гнетомъ тяжкихъ страданій, мысль о правосудіи, какъ свѣтлый лучъ, исчезала изъ его сознанія; онъ видѣлъ только несправедливость къ нему Бога, особенно когда представлялъ близость къ шеолу, въ которомъ умирала съ нимъ всякая надежда; ему казалось, что Богъ поступалъ съ нимъ какъ врагъ. У него не доставало представленія о любви Бога, какъ Отца небеснаго.—Былъ онъ увѣренъ въ своей праведности и чистотѣ,—это служило единственною опорою духовнаго бытія его. Но когда представлялъ величіе

¹⁾ Намъ, которымъ открыта будущая жизнь, трудно понять благо жизни въ самой жизни. Безсмертному духу сродно жить вѣчно, но когда вѣра не открываетъ вѣчной жизни за гробомъ, тогда жизнь до глубокой старости, до полноты дней человѣческаго предѣла, жизнь—разумѣемъ—полная благословеній Божіихъ, составляетъ полное счастье. Это означается выраженіемъ: *умеръ въ старости и насыщенный жизнію* (Іов. 42, 17. Быт. 25, 8. 37, 29).

Божіе, — колебалась увѣренность, что можетъ устоять предъ этимъ величіемъ и остаться правымъ. Предъ его уметвенными очами не было того свѣтлаго, благаго и кроткаго Образа, который Отецъ небесный явилъ людямъ въ Единородномъ Сынѣ Своемъ. Онъ звалъ Бога на судъ, но въ тоже время молилъ Его, что бы Онъ явился безъ того величія, которое приводитъ его въ трепетъ и ужасъ. Въ его представленіи не было того покрывающаго недостатка всепрощающаго милосердія, которое явлено новозавѣтнымъ праведникамъ въ Искупителѣ. — Приверженный къ Богу столько, что у Сатаны не стало средствъ оторвать его отъ Него, Іовъ всего больше страшился быть отверженнымъ отъ Бога. Въ душѣ своей среди тяжкихъ испытаній онъ не чувствовалъ того внутренняго свидѣтельства, которое вѣрующимъ христіанамъ говоритъ о ихъ принадлежности Богу (Рим. 8, 16), того подтверждающаго въ немощахъ Духа, который ходатайствуетъ за нихъ воздыханіями неизреченными (ст. 26). — Оставленный всѣми, заживо снѣдаемый червями, палимый жаромъ до самыхъ костей, тревожимый призраками, влекущими къ самоубійству (Іов. 7, 14, 15), Іовъ чувствуетъ всю безпомощность и одиночество среди цѣлаго міра: ни утѣшенія, ни ободренія, ни силы подтверждающей нѣтъ ни отъ кого. Молить Бога, что бы хоть на мгновеніе отвратилъ отъ него гнѣвный взоръ Свой, дабы ему можно было свободно вздохнуть и проглотить слюну; но и въ этомъ отказано ему. Іовъ чувствовалъ, что онъ преданъ въ руки злобныхъ (Іов. 16, 11). Искушеніе, въ какое поставленъ Іовъ, оставленный всѣми и Богомъ, при поруганіи отъ друзей и посмѣяніи отъ людей, при тѣхъ страданіяхъ, ка-

кія испытывалъ, находить подобіе въ исторіи человѣческой только въ одномъ Лицѣ, которое страдало дабы *искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 18); но это Лице не было извѣстно ему, какъ новозавѣтнымъ страдальцамъ.—Такимъ образомъ самая высокая праведность Іова указывала на необходимость Искупителя, безъ коего внутренній душевный подвигъ добродѣтели, среди постигающаго праведныхъ испытанія, не имѣетъ ни твердой опоры, ни укрѣпляющей силы, ни воодушевляющаго примѣра. При данныхъ условіяхъ, праведность Іова, среди испытанія, представляетъ верхъ совершенства. Но въ ней не достаетъ не смиренія, какъ нѣкоторые не справедливо думаютъ, но *спокойствія ума*, которое дается только христіанскимъ Откровеніемъ и просвѣщающею благодатію Искупителя.

Такимъ образомъ, образъ страждущаго Іова долженъ былъ возбуждать въ читателяхъ нашей книги сознаніе необходимости вышней помощи къ избавленію отъ темной силы врага Божія, ощущеніе потребности болѣе крѣпкихъ жизненныхъ силъ для борьбы съ внутренними и вѣшними искушеніями, то есть—возбуждать желаніе и чаяніе обѣщаннаго человѣчеству Искупителя.

И такъ, объясняя въ исторіи Іова загадочное положеніе праведныхъ въ настоящемъ порядкѣ нравственнаго міра, священный Писатель имѣлъ цѣлію: 1) объяснить Израилю въ минувшей исторіи его тотъ путь, которымъ Іегова велъ его доселѣ; затѣмъ 2) указавъ Израилю въ живомъ примѣрѣ главную причину тяжелой судьбы избранныхъ Божіихъ, въ томъ же примѣрѣ дать урокъ къ перенесенію предстоящихъ ему скорбей и страданій съ терпѣніемъ, преданностію Богу и покорностію волѣ Его; наконецъ 3) образомъ

страждущаго праведника возбуждать желаніе и чаяніе обща́ннаго ему Мессіи—Искупителя.

Почему священный Писатель, для проведенія своей мысли, взялъ примѣръ изъ языческой, а не изъ еврейской исторіи? Исторія еврейскаго народа представляла многихъ страдальцевъ—праведниковъ, жизнь которыхъ могла бы служить примѣромъ неповиннаго страданія и матеріаломъ для выраженія и раскрытія той же мысли, какая проведена въ исторіи страданій праведнаго Іова. Таковымъ примѣромъ могъ быть, на примѣръ, ближайшій къ указанной нами эпохѣ пророкъ Іеремія, или другой кто изъ пророковъ и благочестивыхъ мужей, окончившихъ злосчастные дни свои во время нечестиваго Манасіа, пролившаго въ Іерусалимѣ весьма много невинной крови (4 Цар. 21, 16). Не поучительнѣе ли былъ бы для Израиля примѣръ неповиннаго страданія изъ собственной его исторіи? На предложенный вопросъ можемъ отвѣтить тѣмъ, что Писатель не искалъ примѣра для раскрытія своей мысли, какъ обыкновенно ищутъ писатели или сочинители; книга наша не есть сочиненіе на заданную тему, а есть боговдохновенное произведеніе, написанное по внушенію Духа Божія. Стало быть, отвѣта на нашъ вопросъ прежде всего надобно искать въ намѣреніи божественнаго Духа. Богу угодно было явить міру такого великаго праведника, какъ Іовъ, на языческой землѣ, и Богу же угодно было, что бы исторія его страданій послужила въ поученіе и назиданіе грядущимъ поколѣніямъ избраннаго народа,—лучше этого ничего не можемъ представить въ объясненіе, почему эту а не другую исторію священный Писатель избралъ для своего произведенія. Изъ книги видно,

что Іовъ былъ такой праведникъ, которому подобнаго, по свидѣтельству Іеговы, въ то время не было на землѣ (Іов. 1, 8. 2, 3). Личность Іова, славная и извѣстная на всемъ востокѣ (1, 3), и при томъ по времени своей жизни весьма близкая къ вѣку Писателя, была, безъ сомнѣнія, извѣстна его современникамъ и возбуждала къ себѣ общее вниманіе. Потому, если смотрѣть на вопросъ и съ обыкновенной точки зрѣнія, естественно было священному Писателю посвятить свой трудъ объясненію загадочной судьбы этой замѣчательной личности и поставить ее въ урокъ своимъ современникамъ и послѣдующимъ поколѣніямъ. Но видно, что личность Іова обращала на себя вниманіе и съ точки зрѣнія бео-вратической. Авторъ, со всею строгостію выдержавшій употребленіе именъ Божіихъ въ бесѣдахъ Іова съ друзьями, сообразно съ ихъ положеніемъ внѣ церкви завѣтной, когда говорить о явленіи Бога Іову, употребляетъ имя Божіе—*Іегова*: *тогда Іегова возлагалъ Іову изъ вихря бурнаго* (38, 1. 40, 1); *такъ Іегова глаголаъ Іову* (39, 31); *и отвѣтствовалъ Іовъ Іеговъ* (42, 1). Этимъ употребленіемъ имени—*Іегова* боговдохновенный писатель вводитъ праведнаго Іова въ ограду той церкви, которую Іегова Богъ устраивалъ среди Израйля для спасенія всего человѣчества. Такимъ образомъ въ лицѣ Іова Израиль долженъ былъ познавать тѣхъ *разспянныхъ чадъ Божіихъ*, которыхъ грядущій Мессія имѣлъ *собрать во едино* (Іоан. 11, 52); выдвинутый послѣ плѣна вавилонскаго на общее теченіе человѣческой исторіи, имѣя предъ очами образъ прославленнаго Богомъ великаго праведника изъ среды языческой, Израиль долженъ былъ мало по малу входить въ сознаніе, что *не плотскія дѣла Авраама суть дѣла Божіи, но дѣла обѣтованія*

признаются за сына Авраамово (Рим. 9, 8). Иовъ, не происходя отъ Авраама, по вѣрѣ своей былъ истиннымъ сыномъ Авраамовымъ. Поэтому примѣръ Иова былъ не менѣе поучителенъ для плотскихъ дѣтей Авраама, какъ и примѣры изъ собственной ихъ исторіи.

Указанная нами главная мысль книги Иова имѣетъ точку опоры въ прологѣ ея. Въ этомъ случаѣ можетъ показаться, что мы даемъ мало значенія средней части книги, заключающей самое обильное содержаніе, которая, очевидно, составляла у автора главный предметъ его труда и работы. Къ чему эти длинныя разсужденія друзей и самого Иова,—къ чему пространныя рѣчи Эліу и рѣчи Іеговы, если автору нужно было сказать только, что Иовъ страдаетъ по навѣту Сатаны для испытанія его праведности? Въ каждомъ изъ этихъ разсужденій своя особая мысль, раскрытая обстоятельно и съ логическою опредѣленностію; и хотя задачею своею имѣютъ разрѣшеніе одного вопроса—о причинѣ страданій Иова; но рѣшеніе вопроса ведется не анализомъ фактовъ, относящихся непосредственно къ личности Иова, но изслѣдованіемъ общихъ началъ нравственнаго міроуправленія Божія, опредѣленіемъ законовъ Божественнаго правосудія, по коимъ одни подвергаются бѣдствіямъ и страданіямъ, а другіе живутъ въ счастіи и благоденствіи. Стало бытъ, можно думать, что цѣль книги опирается не на лицъ Иова, но на тѣхъ общихъ разсужденіяхъ, для которыхъ исторія Иова служила только поводомъ. Новѣйшіе изслѣдователи, опредѣляя цѣль книги Иова, по преимуществу ищутъ ее въ средней поэтической части книги, не давая особеннаго значенія прологу и эпилогу, изъ коихъ первый

составляетъ по ихъ понятію только предисловіе къ книгѣ, а послѣдній—историческое прибавленіе, которыя могли произойти даже совершенно независимо, отдѣльно отъ основной поэтической части.

Мы будемъ еще говорить о подлинности пролога и эпилога и отношенія ихъ къ поэтической части книги. Теперь постараемся выяснитъ отношеніе этой послѣдней части къ указанной нами главной мысли книги.

Прежде всего должны мы сказать, что не смотримъ на книгу Іова, какъ на сочиненіе писателя, составленное имъ на предположенную тему, для которой исторія Іова служила только случайнымъ матеріаломъ, пригоднымъ для ~~его~~ раскрытія и уясненія. По нашему мнѣнію, авторъ излагаетъ въ книгѣ Іова историческій фактъ, имѣющій цѣль въ самомъ себѣ, излагаетъ такъ, какъ онъ былъ. Первоначальная задача его выходитъ не изъ предположенной имъ въ собственномъ умѣ какой либо мысли, а изъ намѣренія и желанія тѣхъ лицъ, кои являются дѣйствующими въ изображаемой имъ исторіи,—объяснить загадочное событіе—постигшія праведнаго Іова великія бѣдствія и страданія. Находя объясненія этихъ лицъ непримѣнимыми къ Іову, авторъ открываетъ фактъ изъ другаго міра, коимъ разрѣшается трудная загадка непонятныхъ страданій великаго праведника. Ясно, что всѣ разсужденія поэтической части составляютъ отрицательную сторону той мысли, которая положительно выражена въ прологѣ. Важный интересъ составляли для автора разсужденія дѣйствующихъ въ исторіи Іова лицъ, потому что это разсужденія мудрыхъ, попытки естественнаго разума разрѣшить трудный вопросъ о страданіи праведника. Авторъ употребилъ все свое искус-

ство, чтобы изложить эти разсужденія съ полною отчетливостію и съ такимъ характеромъ, какой находилъ соотвѣтствующимъ свойству мудрецовъ. Столько же или даже болѣе интереса представляла для автора другая сторона излагаемаго въ его произведеніи событія—психическая,—изображеніе страждущаго праведника, изображеніе тѣхъ душевныхъ состояній, которыя испытывалъ Іовъ въ борьбѣ съ тяжкою болѣзнію, въ борьбѣ съ укоризнами и обвиненіями своихъ друзей, въ борьбѣ наконецъ со всѣмъ внѣшнимъ положеніемъ своимъ, будучи оставленъ всѣми, презираемый и пренебрегаемый всѣми и чужими, близкими и дальними. На изображеніе этого предмета употреблена авторомъ половина (20 главъ) поэтической части. Но и этотъ предметъ служилъ только къ обстоятельному очертанію положенія праведника съ внутренней стороны, объяснить которое имѣлъ въ виду авторъ. Такимъ образомъ, ни изъ чего не видно, чтобы центръ тяжести всей книги падалъ на рѣчи Іова, или друзей его, или Эліуя, или самаго Іеговы.

Для полноты изслѣдованія вопроса о главной мысли и цѣли книги Іова, разсмотримъ мнѣнія объ этомъ предметѣ другихъ изслѣдователей, наиболѣе заслуживающія вниманія.

1. Есть мнѣніе, больше популярное, чѣмъ ученое, что въ книгѣ Іова разрѣшается вопросъ объ отношеніи вообще внѣшняго воздаянія къ нравственнымъ заслугамъ человека. Вопросъ выражаютъ въ такой формулѣ: какъ согласить страданіе праведника и счастье нечестиваго съ божескимъ правосудіемъ? Вопросъ этотъ дѣйствительно вы-

ставляется въ разсужденіяхъ Іова, но уже поздно (гл. 21 и 24), по соприкосновенію съ главнымъ вопросомъ: почему Богъ подвергъ его страданію? Когда друзья доказывали Іову, что Богъ посылаетъ бѣдствія и страданія грѣшникамъ, а праведники пользуются Его благоволеніемъ и благоденствуютъ, Іовъ представлялъ имъ, что въ дѣйствительности бываетъ совершенно наоборотъ: благоденствуютъ нечестивые и страдаютъ праведные. Поражаясь этими явленіями, видимо противорѣчащими общему понятію о правосудіи Вседержителя, Іовъ спрашивалъ: *за что живутъ беззаконные, состарѣваются, и еще силами крѣпки и проч. (21, 7)? Почему Вседержителемъ не показываются времена суда, и знающіе Его не видятъ дней Его (24 1)?* Но въ заключеніи своихъ рѣчей (29—31 гл.), также какъ и въ началѣ (гл. 3), Іовъ домогается разрѣшенія вопроса только относительно собственной участи. Эліуй, объясняя Іову нравственное міроуправленіе Божіе, коснулся вопроса, почему или съ какою цѣлію Богъ посылаетъ иногда болѣзни грѣшникамъ (33, 39 сл.); но это одна только часть вопроса, притомъ не столь существенная; почему Богъ даетъ счастье грѣшникамъ—этого вопроса нисколько не касается. Правда, въ послѣдней заключительной его мысли о непостижимости дѣйствій Вседержителя въ раздаяніи жребія и о томъ, что въ судѣ и правдѣ не даетъ Онъ никому отчета (37, 23), заключается отвѣтъ и на этотъ вопросъ; но изъ сего нельзя еще заключать, что разрѣшеніе этого вопроса входило въ главную задачу автора нашей книги. Какъ въ прологѣ такъ и въ эпилогѣ все вниманіе автора сосредоточено на объясненіи участи только праведнаго страдальца Іова.

2. Между новѣйшими изслѣдователями книги Іова почти общепринятое мнѣніе, что авторъ, изображая исторію страдальца Іова, хотѣлъ представить въ наглядномъ опытѣ слабость и несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи, которое общаетъ избранному народу благословеніе Іеговы и благоденствіе, если онъ будетъ хранить и исполнять всѣ заповѣди и постановленія, данныя ему, и напротивъ—проклятія и всевозможныя бѣдствія, если не будетъ исполнять заповѣдей и постановленій Его (Второз. 28 гл.) ¹⁾. Представителями и защитниками этого ученія въ нашей книгѣ служатъ будто бы друзья Іова: Елифазъ, Вилдадъ и Софаръ. Іовъ же въ собственномъ опытѣ показываетъ, что это ученіе не согласно съ дѣйствительностію, и представляетъ друзьямъ своимъ не опровержимые факты, противорѣчащіе ему. Что авторъ хотѣлъ именно показать въ своемъ произведеніи несостоятельность древняго ученія о воздаяніи, подтвержденіе этому видятъ въ томъ, что въ эпилогѣ Іегова осудилъ Елифаза, Вилдада и Софара за то, что они говорили не такъ вѣрно, какъ Іовъ.

Но противъ этого мнѣнія говоритъ самый же эпилогъ, въ которомъ авторъ повѣствуетъ, что, послѣ страданій, Богъ сугубо вознаградилъ Іова за всѣ потери, какія понесъ онъ. Авторъ былъ бы не послѣдователенъ, если бы доказывая несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи добродѣтели счастіемъ, самъ же потомъ сталъ говорить,

¹⁾ *Fürst*, *Gesch. d. bibl. Liter* 2. B. s. 408—410; *Bleek*, *Einl. in d. A. Test.* s. 636. 637; *I. F. Raebiger*, *De Libri Iobi sententia primaria*, 1860.

что праведному Іову за его невинныя страданія было воздано отъ Бога сугубо. Если Іегова осуждаетъ друзей Іова за то, что они говорили предъ Нимъ не такъ вѣрно, какъ Іовъ, то погрѣшность друзей не въ томъ состояла, что они защищали древнее ученіе о воздаяніи, а въ томъ, что они примѣняли его къ Іову не правильно, показывая пристрастіе къ Богу и безчеловѣчіе къ страдальцу.

Моисеево ученіе о воздаяніи имѣетъ въ виду цѣлый еврейскій народъ; всѣ обѣтованія и угрозы, соединенныя — первыя съ исполненіемъ заповѣдей, а вторыя съ нарушеніемъ ихъ, Моисей изрекаетъ всему народу; стало быть, это ученіе имѣетъ видъ общей нормы или общаго правила. Въ этомъ видѣ оно сохранило свою силу въ продолженіе всей исторіи еврейскаго народа. У пророковъ, въ псалмахъ и въ историческихъ книгахъ проводится это ученіе. И какъ скоро оно примѣнялось къ судьбѣ народовъ и государствъ, и къ судьбѣ большихъ обществъ, получало всегда наглядное оправданіе. Какъ общее правило или общій законъ правосудія Божія, оно не устраниено и изъ новозавѣтнаго Откровенія, которое благочестію усвояетъ обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго (1 Тим. 4, 8). Иначе и не могло быть. Коль скоро Откровеніе возвѣщаетъ праведный судъ Божій и воздаяніе праведникамъ и грѣшникамъ, Правосудіе небесное должно показывать опыты этого суда и воздаянія еще здѣсь на землѣ; иначе не было бы свидѣтельства о достовѣрности этого суда. Но когда это общее правило прилагается къ частнымъ случаямъ или къ отдѣльнымъ лицамъ, то могутъ быть до безконечности разнообразныя способы примѣненія, зависящіе отъ нравственнаго свойства этихъ лицъ и отъ

постороннихъ обстоятельствъ. Это дѣло принадлежитъ исключительно всевѣдѣнію и безконечной премудрости праведнаго Судіи, и никогда не можетъ быть постигнуто вполне и объяснено человѣческимъ разумомъ, какъ доказывалъ это Іову Эліуй, представившій нѣсколько примѣровъ дѣйствія Вседержителя въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ посылаетъ наказанія для вразумленія и исправленія людей.

Ученіе мудрыхъ о воздаяніи есть ученіе естественнаго разума, не знающаго другой жизни для человѣка, кромѣ настоящей. По отношенію къ ученію Моисея о воздаяніи, оно представляетъ строгое и, если бы оно было отъ него заимствовано, то можно бы сказать, буквальное примѣненіе его къ отдѣльнымъ лицамъ. Отъ того, такой суровый взглядъ на страдальца. Въ глазахъ друзей, строго державшихся этого ученія, онъ не иначе могъ представляться, какъ преступникомъ, несущимъ наказаніе отъ Бога за свои грѣхи. Страданія, по ихъ мнѣнію, не имѣли другаго значенія, кромѣ наказательнаго или карательнаго. Самъ Іовъ такъ смотрѣлъ на страданія; только внутреннее чувство правоты вызвало въ немъ недоумѣніе относительно такого пониманія и протестъ противъ исповѣдуемаго имъ ученія. Но не могши отрѣшиться отъ усвоеннаго привычкою понятія о небесномъ правосудіи, онъ не находилъ выхода изъ противорѣчія между теоріей и практикой. Эліуй, какъ молодой и новый мыслитель, принялъ на себя попытку изъяснить практическое примѣненіе этого ученія къ частнымъ случаямъ или отдѣльнымъ лицамъ. По его представленію, страданія разнаго рода не всегда бываютъ наказаніями за грѣхи, но весьма часто Богъ посылаетъ ихъ людямъ грѣшнымъ и праведнымъ для

предостереженія ихъ отъ грѣха, вразумленія, исправленія и очищенія. Страданія, такимъ образомъ, имѣютъ значеніе исправительное, педагогическое, и свидѣлствуютъ не о гнѣвѣ Судіи, но о кроткой любви спасающаго Отца. Въ предѣлахъ естественнаго разума не возможно было возвыситься до представленія третьяго вида страданій — *испытательныхъ*.

При всей односторонности ученія мудрыхъ о воздаяніи, оно не опровергается авторомъ, но остается въ своей силѣ. Сказано, что Богъ судитъ людей по тому закону, какой они имѣютъ (Рим. 2, 12. 14. 15). Поэтому, и Іовъ, какъ праведникъ, послѣ испытанія своего, получаетъ воздаяніе согласно съ тѣми попятіями, какія имѣлъ о воздаяніи. Не разъ во время страданій своихъ говорилъ онъ Богу: *перестань же, отыми руку Твою, чтобы мнѣ порадоваться, провести день свой съ удовольствіемъ*. Авторъ книги въ концѣ повѣствованія своего о возвращеніи Іову пресняго благоденствія замѣчаетъ, что Іовъ умеръ въ старости и *насытившись жизнію*.

Такимъ образомъ совершенно не вѣрно мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что въ книгѣ Іова выставляется несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи; она сго и не касается, потому что излагаетъ ученіе мудрыхъ, а не Моисеево.

3. Въ нѣкоторой связи съ изложеннымъ мнѣніемъ о главной мысли книги Іова находится мнѣніе Эвальда. По мнѣнію Эвальда, въ книгѣ Іова проводится мысль, что внѣшнее зло не имѣетъ никакой связи съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка, и что средство побѣждать его, торже-

ствовать надъ бѣдствіями и страданіями, заключается въ сознаніи вѣчности духа. Доколѣ чловѣкъ не пришелъ въ ясное и твердое сознаніе вѣчнаго бытія духа, виѣшнее зло стоитъ предъ нимъ, какъ врагъ его благополучія и счастья, какъ привидѣніе, возмущающее его внутреннее спокойствіе. Первый лучъ безсмертія, проникшій въ сознаніе духа, ободряетъ его, одушевляетъ на борьбу со зломъ, укрѣпляетъ его въ этой борьбѣ, показывая ему его самостоятельность и независимость отъ вещественнаго міра и богатство хранящейся въ глубинѣ его существа жизни и силы. Чѣмъ глубже и сильнѣе проникается сознаніемъ вѣчнаго бытія духа, тѣмъ бодрѣе и смѣлѣе идетъ на встрѣчу всякому бѣдствію и несчастію. Самое бѣдствіе, являясь предъ нимъ, какъ врагъ благополучія и счастья, и вызывая на борьбу съ собою, изощряетъ познаніе самого себя, очищаетъ его отъ несовершенствъ и недостатковъ, вызываетъ изъ глубины его мощныя силы, и тѣмъ самымъ приготовляетъ ему побѣду надъ собою. Но такая побѣда, по представленію Эвальда, сомнительна или совсѣмъ не возможна, когда чловѣкъ смотритъ на виѣшнее зло, какъ на навазаніе прогнѣваннаго божества за грѣхи его. Страхъ и трепетъ производятъ постоянно смущеніе и замѣшательство въ его сознаніи, ложатся на него какъ тяжелое бремя, подавляющее энергію духа, подрываютъ въ немъ всякую вѣру въ себя и свои силы, поддерживаютъ въ немъ мрачное, робкое, тяжелое и не спокойное настроеніе, не давая ему свѣтлыми очами взирать на небо и одушевляться надеждою, что рано или поздно вѣчный духъ будетъ обладателемъ его. Іовъ, по представленію Эвальда, борется съ этимъ настроеніемъ и всесторонне доказываетъ друзьямъ

своимъ, что внѣшнія бѣдствія отнюдь не могутъ считаться наказаніемъ за грѣхи, потому что они равно поражаютъ виновныхъ и невинныхъ, и даже чаще можно видѣть страдающими отъ нихъ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Но борясь съ постигшими бѣдствіями, Іовъ, по замѣчанію Эвальда, не могъ еще возвысится до полного и яснаго сознанія вѣчности духа. Эта истина высказывается имъ только какъ желаніе, предчувствіе, прозрѣніе, больше какъ надежда, чѣмъ дѣло (14, 13—15. 16, 18. 19. 19, 23—29). Въ ясномъ свѣтѣ она выступаетъ только въ новомъ завѣтѣ, послѣ того, какъ показанъ высочайшій примѣръ божественной побѣды надъ смертію, самымъ величайшимъ зломъ въ мірѣ. Такимъ образомъ книга Іова, говоритъ Эвальдъ, имѣетъ ту заслугу, что она приготовила болѣе глубокіе взгляды на зло и на безсмертіе духа и передала ихъ какъ плодovitое зерно на всѣ будущія времена (*Ewald, Uebers. Iob*, s. 70—73).

Сужденіе Эвальда о главной мысли книги Іова имѣетъ въ основаніи своемъ пантеистическое міровоззрѣніе, по коему Божество представляется не личнымъ отдѣльно отъ міра существующимъ Бытіемъ, а идеею абсолютнаго Бытія, раскрывающеюся въ жизни міра и сознающею себя какъ таковою въ исторіи человѣческаго духа. Поэтому міровоззрѣнію не можетъ быть наказанія за грѣхъ, какъ нѣтъ и самаго грѣха, а есть только несовершенство, неполнота, односторонность, которыя суть не что иное, какъ ступени, по коимъ духъ человѣческій постепенно восходитъ до сознанія въ себѣ идеи абсолютнаго бытія. Не наше дѣло входитъ въ разборъ этого міровоззрѣнія, что повело бы насъ къ длиннымъ и не относящимся къ дѣлу рассу-

жденіямъ. Къ нашему предмету относится вопросъ: можетъ ли быть дѣйствительнымъ указываемое Эвальдомъ средство къ побѣдѣ надъ внѣшнимъ зломъ? Чтобы торжествовать надъ зломъ, спокойно и терпѣливо, какъ бы не чувствуя, переносить бѣдствія, разнаго рода лишенія, болѣзни, страданія и проч., по мнѣнію Эвальда, достаточно только сознать, что я буду вѣчно жить. Христіанскіе мученики шли спокойно на смерть, дѣйствительно, одушевляясь вѣрою въ будущую жизнь. Но эта вѣра была не отвлеченное, ни какимъ содержаніемъ не наполненное представленіе вѣчной жизни, какъ у Эвальда, но такое представленіе, въ которомъ слагалось множество самыхъ жизненныхъ представленій, и самое главное между ними—представленіе Бога безпредѣльной любви, за Коего они несли крестъ, терпѣли страданія. И собственно говоря, мучениковъ и другихъ христіанскихъ страдальцевъ утѣшала и воодушевляла не надежда на то, что они будутъ жить вѣчно, но упованіе, что они будутъ жить съ Богомъ. Правда и Эвальдъ, какъ вообще пантеистическіе учителя, старается наполнить сознаніе вѣчнаго бытія духа разными представленіями. Какими же? представленіемъ достоинства и величія духа, представленіемъ духа, какъ абсолютнаго, независимаго бытія и проч. Но и эти представленія, какъ и представленіе вѣчности духа, только логическіе термины, въ которыхъ не заключается ничего живаго и яснаго, какъ въ алгебраическихъ буквахъ, доколѣ не войдутъ въ нихъ дѣйствительныя цифры. И едвали есть на свѣтѣ страдалецъ, который среди пожирающей его до костей болѣзни, могъ бы утѣшиться, когда бы ему сказали, что онъ будетъ вѣчно жить и наконецъ сознастъ величіе своего человѣческаго достоинства.

Подобное утѣшеніе можетъ считаться удовлетворительнымъ развѣ для отчаяннаго эгоиста, у котораго въ сознаніи, собственно говоря, кромѣ его я, нѣтъ никакой другой мысли ни о будущемъ, ни о настоящемъ.

Теорія Эвальда можетъ имѣть еще приложеніе, когда дѣло идетъ о цѣломъ человѣчествѣ. Идя путемъ прогресса, при встрѣчѣ съ народными бѣдствіями и разнаго рода неудачами по части разныхъ изобрѣтеній и общественныхъ учрежденій и предпріятій, человѣчество можетъ утѣшать себя тою мыслию, что оно будетъ вѣчно жить и наконецъ дойдетъ до такихъ порядковъ жизни и до такихъ усовершенствованій въ своихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, что устранятся изъ обществъ и съ лица земли всѣ безпорядки и бѣдствія, отъ которыхъ оно страдаетъ нынѣ. Этою вѣрою въ прогрессъ человѣчество всегда жило, живетъ и теперь, и, воодушевляясь ею, борется со всѣми бѣдствіями и страданіями рода человѣческаго, и надѣется, что будетъ наконецъ когда нибудь гораздо лучше, чѣмъ теперь, какъ и теперь лучше, чѣмъ было прежде. Сколько въ этой надеждѣ есть сбыточнаго и вѣрнаго, не будемъ судить: дѣло темное и не совсѣмъ разъясненное. Но этою надеждою можетъ утѣшать себя только цѣлое человѣчество, т. е. отвлеченное понятіе человѣчества, но не тѣ живыя существа, изъ которыхъ оно состоитъ, не то или другое въ отдѣльности лице, когда постигаютъ его разнаго рода скорби, несчастія, потери, лишенія. Тѣло мое истлѣваетъ отъ поразившей всѣ органы его болѣзни; что мнѣ изъ того, если скажутъ, что медицина овладѣетъ наконецъ болѣзнями и будетъ знать самыя дѣйствительныя средства противъ каждой изъ нихъ? Мое имущество до тла истре-

билъ огонь; что миѣ изъ того, что современемъ будутъ придуманы и устроены всѣ средства противъ пожаровъ?

Если вѣра въ безсмертіе и будущую жизнь ободряетъ страдальца и воодушевляетъ на борьбу съ страданіемъ только представленіемъ въ той жизни ближайшаго и блаженнаго общенія съ Богомъ, а не одною мыслию о вѣчности духа; то нельзя уже считать постигающія насъ бѣдствія безотносительными къ нашей правственности. Этотъ Богъ, въ общеніи съ Которымъ мы часемъ имѣть полное счастье свое, есть Богъ правды, святости, чистоты и совершенства; ничто скверное не можетъ приблизиться къ Нему. Этотъ же Богъ, живой и вѣчный, есть верховный Правитель міра и всѣхъ существъ, въ немъ живущихъ; безъ Его воли не падаетъ и ни одна воробей на землю (Матѣ. 10, 29). Стало быть, во всемъ, что постигаетъ насъ, мы должны видѣть или милующую или карающую десницу Его. Потому, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, на виѣшнюю судьбу человѣка смотрѣли какъ на выраженіе отношенія Божества къ людямъ, и когда постигало кого бѣдствіе, искали средствъ къ умилоствленію Божества.

Бѣдствія и страданія явились въ царствѣ живаго Бога, по библейскому ученію, какъ естественное послѣдствіе грѣха, какъ наказаніе небснаго правосудія за беззаконіе людей. Но безпредѣльная благодать Отца небснаго нашла средство эту чашу горечи растворить благодатію Своей милующей любви. Самое наказаніе, поэтому, премудростію Божіею обратилось въ средство къ вразумленію, къ исправленію и очищенію, и наконецъ къ возведе-

нію на степень высшаго совершенства чрезъ испытаніе наказуемаго.

Напрасно думаютъ, что представленіе бѣдствій, какъ наказанія за грѣхи, не разлучное съ страхомъ и трепетомъ правосуднаго Божества, можетъ вредить нравственному преслѣянiю и совершенствованiю человѣка, поддерживая въ немъ мрачное настроеніе духа, ослабляя его энергію и подрывая вѣру въ себя и свои силы. Такой взглядъ происходитъ изъ односторонняго, поверхностнаго пониманія внутренней жизни духа, или лучше сказать, изъ нежеланія понять правильнымъ образомъ эту жизнь, изъ стремленія обойти то, что можетъ показаться для насъ не прiятнымъ. Мы не можемъ не чувствовать того, что чувствуется самымъ естествомъ нашимъ. Недовольство собою, испытываемое даже въ лучшія минуты земнаго счастья, сопровождаемое душевною тревогою и смятеніемъ, не есть только теоретическое сознаніе своей ограниченности, несовершенства и проч.,—съ этимъ мы легко примиряемся при первомъ сравненіи себя съ другими,—но есть непосредственное ощущеніе не нормальнаго состоянія духовнаго организма нашего, подобное ощущенію всякой физической боли; сопровождаемое какимъ то упрекомъ себѣ, хотя бы и не представляли ясно своей вины, оно есть естественное чувство вины, затаенное въ падшей природѣ нашей. Такимъ образомъ нечего опасаться, что бѣдствія человѣческія, если представлять ихъ наказаніемъ за грѣхи, будутъ только поддерживать мрачное настроеніе духа и тѣмъ ослаблять энергію его въ стремленіи къ нравственному совершенствованію. То, чего боимся внѣ себя, существуетъ въ насъ самихъ. Когда же разсуждаемъ, что представле-

ніе бѣдствій наказаніємъ за грѣхи можетъ вредить нашему нравственному преспѣянію, то выражаемъ этимъ не другое что, какъ желаніе, чтобы отъ мыслей нашихъ устранено было все, что напоминаетъ намъ о ненормальномъ состояніи духа нашего, хотимъ, такъ сказать, удалить отъ нашихъ глазъ печальный трауръ, въ который облечена окружающая насъ природа со времени появленія смерти въ мірѣ. Люди большею частію такъ и живутъ, чтобъ не знать своего душевнаго недуга, чтобъ имѣть всегда наготовѣ средство забыться; чтобы заглушить всякое чувство внутренней пустоты и душевной тревоги, изобрѣтаютъ тысячи развлеченій и забавъ, съ судорожною дрожью перебѣгая отъ однихъ къ другимъ. Но этимъ мы только показываемъ, что, завидѣвъ огонь въ своемъ домѣ, опрометью бѣжимъ изъ него, чтобъ не видѣть ужасовъ пожирающаго наше добро пламени. Не оттуда можетъ начаться нравственное совершенствованіе, гдѣ мы живемъ, такъ сказать, внѣ себя, а изъ внутри нашего самосознанія, изъ самаго тонкаго анализа моральнаго содержанія нашего духа, изъ вѣрнаго представленія нашего дѣйствительнаго отношенія къ верховному Существу. Въ этомъ духовномъ процессѣ первѣе всего человѣкъ встрѣчается съ мыслию о гнѣвѣ Божіемъ; если этой мысли нѣтъ еще въ сознаніи, ясный признакъ, что наше самосознаніе поверхностное и легкое. Эта мысль служитъ побужденіемъ къ самоисправленію и совершенствованію. Вѣрно, однакожь, то, что одна эта мысль безъ другой, противоположной ей, наполняя душу страхомъ и трепетомъ, производила бы замѣшательство въ сознаніи и привела бы только къ отчаянію. Но рядомъ съ этою мыслию не только христіанскою вѣрою, но и религі-

ями всѣхъ языческихъ народовъ поставляется въ сознаніи нашемъ мысль о помилованіи, а въ христіанствѣ—болѣе того—мысль о любви Божіей, подающей человѣку благодать возраждающую и восстанавливающую. Теперь самый отчаянный грѣшникъ въ минуту раскаянія своего можетъ съ твердымъ убѣжденіемъ сказать о себѣ, что Отецъ небесный пріемлетъ его въ свое лоно съ большею радостію, чѣмъ тѣхъ праведниковъ, которые постоянно съ Нимъ находились (Лук. 15, 20. 31. 32). Такая мысль не подавляетъ энергіи духа, напротивъ возвышаетъ ее. Когда знаемъ, что другъ, котораго мы тяжело обидѣли, не только простилъ обиду, но возымѣлъ еще больше къ намъ участія, состраданія и любви, тогда стараемся съ большимъ усиліемъ показаться предъ нимъ достойными его любви. Нравственная дѣятельность человѣка, раскрываясь двумя противоположными возбужденіями (импульсами), боязнію прогнѣвать Бога и представленіемъ безпредѣльной любви Его къ намъ, получаетъ самое правильное и твердое направленіе. Виѣшнія бѣдствія, никого не чуждые, напоминая человѣку о причинѣ всѣхъ золъ въ мірѣ, не даютъ ему забыться, какъ бы высоко ни поднялся онъ въ нравственномъ совершенствѣ, и, указывая ему постоянно на десницу Вседержителя, то карающую, то исправляющую, то вразумляющую, то исцеляющую, служатъ лучшимъ средствомъ къ нравственному воспитанію человѣка, горниломъ, въ которомъ вырабатывается духъ правый.

Мысль, какую Эвальдъ видитъ въ книгѣ Іова, не оправдывается содержаніемъ этой книги. Іовъ не говоритъ, что виѣшнія бѣдствія не имѣютъ никакого отношенія къ нравственному достоинству человѣка; напротивъ, онъ твердо

убѣжденъ въ томъ, что должны имѣть, и, не видя этого на самомъ дѣлѣ, или, правильнѣе сказать, не умѣя согласить встрѣчающихся явленій съ понятіемъ о правосудіи, укоряетъ Бога въ несправедливости. Что касается рѣчей Эліуя, то смыслъ ихъ направленъ прямымъ образомъ къ разрѣшенію недоумѣній Іова: доказывая Іову тѣсную связь вѣшной судьбы человѣка съ нравственнымъ достоинствомъ его, Эліуй представляетъ нѣсколько примѣровъ изъясненія, какъ прилагаются Вседержителемъ вѣшнія бѣдствія къ различнымъ нравственнымъ состояніямъ человѣка. Такъ какъ рѣчи Эліуя явно противорѣчатъ предположенію Эвальда о главной мысли книги Іова, то Эвальдъ, ради своей теоріи, отвергъ ихъ какъ не подлинныя, не относящіяся къ составу книги. Наконецъ, противъ Эвальда говоритъ эпилогъ, въ которомъ повѣствуется, что послѣ страданій своихъ Іовъ сугубо вознагражденъ отъ Бога.

Не оправдывается содержаніемъ книги и та мысль Эвальда, что въ сознаніи вѣчности духа Іовъ видѣлъ средство къ побѣдѣ надъ бѣдствіями. Указываемыя Эвальдомъ мѣста изъ рѣчей Іова не заключаютъ въ себѣ мысли о вѣчномъ бытіи духа. Въ 14, 13—15 Іовъ говоритъ не о вѣчности духа въ смыслѣ Эвальда, а о возвращеніи своемъ въ ту же жизнь, чтобы получить отъ Вседержителя то, въ чемъ ему теперь отказано. Притомъ и здѣсь Іовъ воодушевляется мыслию не о возвращеніи снова къ жизни, а о возвращеніи къ нему благоволенія Божія (15). Въ 16, 18, 19 нѣтъ и намека на вѣчность духа: Іовъ выражаетъ желаніе, чтобы молитва его достигла до неба, и чтобы живущій на небѣ Свидѣтель его страданій разрѣшилъ про

его съ друзьями прежде, чѣмъ наступить уже близкій конецъ его жизни (ст. 21. 22). Это мѣсто говорить не въ пользу, а противъ Эвальда. Мы уже видѣли выше, что и въ 19, 23—29 Іовъ выражаетъ надежду видѣть Бога не въ будущей жизни, а въ эгон; слѣдовательно, также нѣтъ рѣчи о вѣчности духа.

4. Нѣкоторые изъ изслѣдователей (Штульманъ, Бертольдъ, Ейхгорнъ, Кнобель, Ватке, Штейдель, Гейлигштедтъ, Гирцель, Гупфельдъ и Бунзенъ), ища главной мысли книги Іова, приходятъ къ тому заключенію, что авторъ не далъ въ ней никакого опредѣленнаго рѣшенія изслѣдуемому вопросу о страданіи праведника, и что онъ хотѣлъ только показать въ ней, что человѣкъ не можетъ проникать въ совѣты Божіи и потому долженъ безусловно предаваться волѣ Божіей, какая бы участь ни постигла его. Въ рѣчахъ Эліуи эта мысль составляетъ главную тему ихъ и, какъ послѣдній результатъ разсужденій его о нравственномъ міроуправленіи Божіемъ, выражена въ заключеніи 37, 23. 24: *Вседержитель! мы не постигаемъ его!* и проч. Іегова въ своихъ рѣчахъ внушаетъ Іову, что человѣкъ не можетъ и не вправѣ судить опредѣленій вышняго Совѣта, отъ коего зависитъ назначеніе жребія людямъ. Слѣдовательно, выводъ изъ рѣчей Іеговы будетъ тотъ же, какой изъ рѣчей Эліуи, что человѣкъ, какая бы участь ни постигла его, долженъ безусловно покоряться премудрому и всемогущему Богу, не пытаясь своимъ ограниченнымъ умомъ проникать въ дѣйствія вышняго Міроправителя, для насъ непостижимыя.

Въ такомъ видѣ дѣйствительно представляется положеніе возбужденнаго Іовомъ вопроса, если обращать вни-

маніе только на одну среднюю часть книги, представляющую разсужденіе мудрыхъ объ этомъ вопросѣ, и оставлять въ сторонѣ прологъ и эпилогъ книги, въ которыхъ вопросъ этотъ получаетъ ясное и опредѣленное разрѣшеніе. Мудрость человѣческая, естественно, не могла дать разрѣшенія вопросу о страданіи праведника; и Эліуй сурово осуждаетъ высокоуміе Іова, хотѣвшаго знать причину своихъ страданій. Излишнее мудрствованіе Іова осуждаетъ и Іегова. Вѣрно не было надобности Іову знать истинную причину страданій своихъ; потому Іегова и не открылъ ее. Да и странно было бы объясненіе Іеговы Іову, почему и для чего Онъ—Вседержитель послалъ Іову тяжкія бѣдствія и страданія. Притомъ, причина страданій Іова такая, которая стояла не въ порядкѣ естественнаго теченія міровыхъ явленій и событій, управляемаго общимъ Провидѣніемъ, но въ особенномъ порядкѣ событій сверхъестественнаго міра, начавшемся послѣ паденія человѣка, и управляемомъ по особому плану божественнаго домостроительства о возстановленіи. Людямъ, стоявшимъ на естественномъ пути жизни, не было пока надобности знать о томъ, что совершалось на небѣ относительно ихъ. Передавая же исторію страданій Іова своему племени, которому открыты были тайны неба о судьбѣ падшаго человѣчества и домостроительствѣ Божіемъ о спасеніи его; авторъ, какъ служитель Откровенія Іеговы, открываетъ ему и тайну неповинныхъ страданій праведника.

Изучая содержаніе книги Іова, мы находили, что въ цѣломъ составѣ своемъ, въ какомъ дошла до нашего времени въ еврейскомъ текстѣ, она представляетъ замѣчательное произведеніе, отличающееся не обыкновенною логическою стройностію, въ которомъ ги объ одной части нельзя сказать, что она лишняя или не на своемъ мѣстѣ, нельзя исключить ни одного отдѣла, не нарушивъ единства цѣлаго. Намъ казалось, что всѣ части книги такъ необходимы въ цѣломъ произведеніи и такъ существенно относятся къ развиваемой въ немъ идеи, что оно иначе не могло явиться изъ подъ пера своего писателя, какъ въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ нынѣ. Предполагать въ немъ какія либо вставки и прибавленія посторонней руки послѣ происхожденія его отъ своего писателя, мы не видѣли ни малѣйшаго повода.

Междутѣмъ, многіе критики—ислѣдователи (Карпзовій, Штульманъ, Бернштейнъ, Де-Ветте, Кнобель и др.) находятъ основанія, въ силу коихъ утверждаютъ, что книга Іова не вся произошла отъ одного писателя, что нѣкоторыя части внесены въ нее рукою постороннею. Такое предположеніе касается пролога гл. 1 и 2. и эпилога 42, 7—17, рѣчи Іова въ 27, 7—28, 28., описанія иннопотама и крокодила въ 40, 15—41, 26., наконецъ всѣхъ рѣчей Эліуя 32—37 гл. Изъ этихъ частей для нашего изслѣдованія имѣютъ особенную важность *Прологъ* и *Эпилогъ* и *рѣчи Эліуя*, потому что какъ скоро будетъ доказано, что эти части не принадлежатъ произведенію, а приложены къ нему послѣ постороннею рукою, тогда все, до чего мы дошли своимъ изслѣдованіемъ, потеряетъ значеніе. Потому, не можемъ оставить безъ вниманія сужденій ученой критики о неподлинности этихъ частей.

1. *Прологъ* и *Эпилогъ* видимо отличаются отъ *разсужденія* формою рѣчи; они написаны прозою, а *разсужденіе* стихотворною рѣчью. По первому непосредственному впечатлѣнію представляется, что они, равно какъ и въ срединѣ книги встрѣчающіяся историческія замѣчанія поставлены въ произведеніи поэта—художника для поясненія, безъ котораго трудно было бы понять самое произведеніе. Дѣйствительно, если отнять прологъ и эпилогъ съ прочими историческими примѣчаніями, поэтическая часть книги, содержащая бесѣды Іова съ друзьями, рѣчи Эліуя и рѣчи Іеговы, представить важныя затрудненія къ пониманію, и прежде всего трудно будетъ замѣтить, гдѣ оканчивается одна рѣчь и начинается другая. Но это обстоятельство, безъ сомнѣнія важное при чтеніи произведенія, не должно, говорятъ, поражать насъ своею странностію. Между произведеніями священной еврейской поэзіи мы имѣемъ также драматическое произведеніе, въ которомъ говорятъ одно за другимъ нѣсколько лицъ, между тѣмъ какъ рѣчи ихъ поставлены сплошь одна за другою, безъ означенія лицъ говорящихъ и безъ всякихъ историческихъ поясненій въ началѣ или въ концѣ книги. Отъ чего книга эта представляетъ не мало затрудненій не только въ пониманіи, но и чтеніи ея. Мы разумѣемъ Пѣснь Пѣсней. Есть основаніе думать, что и въ сборникахъ пророческихъ проповѣдей историческія и хронологическія примѣчанія къ нимъ приложены собирателями, а не авторами проповѣдей. Поэтому, нѣтъ ничего страннаго въ той мысли, что книга Іова первоначально представляла видъ чисто поэтическаго произведенія, начинаясь рѣчью Іова, въ которой онъ прокликаетъ день своего рожденія (гл. 3) и оканчиваясь рѣчью

его же, въ коей онъ приносилъ покаяніе въ прахъ и пепелъ (42, 6) ¹⁾. Въ послѣдствіи же времени частію для ясности произведенія, частію въ другихъ видахъ, приложены постороннею рукою историческія повѣствованія въ *прологъ* и *эпиклогъ* и историческія замѣтки среди его.

Что не одною рукою написаны поэтическая часть и историческія повѣствованія, видно, говорятъ, а) изъ употребленія въ нихъ именъ Божіихъ: въ историческихъ частяхъ употребляется имя Божіе יְהוָה; а въ поэтической части אֱלֹהִים, יְהוֹשֻׁעַ, יְהוֹשֻׁעַ и יְהוֹשֻׁעַ; б) изъ противорѣчій, встрѣчающихся въ нихъ: 1, 19 слч. 19, 17; 42, 7. 8

¹⁾ Останавливаясь на этой мысли, нѣкоторые (*Lichtfootъ* in *chronica Temporum et ord. Textuum V. T.* in Opp. ed. Leusden, vol. 1. p. 24; *Розенмиллеръ*, *Schol.* in *Iob.* p. 779) находили возможнымъ указать и писателя этого поэтического произведенія. Таковымъ представляется четвертый собесѣдникъ Іова אֵלִיִּיף. Въ 32, 16. 17. 18 אֵלִיִּיף какъ бы самъ переходитъ изъ собесѣдника въ повѣствователя: *оцъпенъли, не отвѣчаютъ болѣе, отняты слова у нихъ. И (какъ) ждалъ я, а они не говорятъ, перестали, не могутъ болѣе отвѣчать; то) дамъ отвѣтъ и я на свою часть...* Но форма אֵלִיִּיף (дамъ отвѣтъ) измѣняетъ строю повѣствовательной рѣчи, которая могла предпологаться предшествующими глаголами: אָפְּנִינִי (*оцъпенъли*), אֵלִיִּיף—לֹא (*не отвѣчаютъ*), וְיָחַדְתִּי (*и ждалъ я*). Она показываетъ, что здѣсь бесѣдующее лицо входитъ только въ саморазмышленіе, отъ лицъ бесѣдующихъ обращается къ себѣ; послѣдующіе стихи 18—23 заключаютъ продолженіе этого саморазмышленія; смыслъ ихъ показался бы страннымъ, если бы представлять, что אֵלִיִּיף разсуждаетъ въ нихъ съ собою у себя въ кабинетѣ, когда писалъ это произведеніе, а не предъ лицомъ своихъ собесѣдниковъ. Такимъ образомъ предположеніе, что поэтическая часть книги Іова написана אֵלִיִּיףемъ, не можетъ быть принято.

сл. 38, 2. 40, 3. 42, 3; в) настроеніе духа Іова въ *прологѣ* совсѣмъ иное, чѣмъ въ поэтической части: тамъ онъ полонъ смиренія и покорной преданности Богу; въ рѣчахъ слышатся жалобы на свою судьбу и упреки Вседержителю. Указываютъ еще и на такого рода противорѣчіе, что въ поэтической части авторъ проводитъ мысль о безусловной покорности Богу, исключаящей всякую попытку проникнуть въ тайну Божественнаго міроуправленія, — приче́мъ старается всѣми силами доказать несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи; между тѣмъ въ *прологѣ* открываетъ видъ на небо, откуда читатель узнаетъ, почему и съ какою цѣлю постигли Іова тяжкія бѣдствія и страданія; въ *эпilogѣ* же какъ нельзя болѣе утверждаетъ Моисеево ученіе о воздаяніи, которое хотѣлъ опровергнуть. Но послѣднее возраженіе противъ подлинности пролога и эпилога не считаемъ важнымъ послѣ того, какъ извѣстно, что авторъ книги вовсе не имѣлъ въ виду опровергать въ ней Моисеево ученіе о воздаяніи. Притомъ, отрицать подлинность тѣхъ или другихъ частей извѣстной книги потому только, что они не согласны съ нашею идеею о книгѣ, не основательно и не рационально. Я имѣю такую идею о книгѣ, другой — другую, третій — третью и т. д. Въ такомъ случаѣ легко можетъ статься, что для одного покажется не подлинною одна часть, для другаго — другая, для третьяго — третья и т. д. Это не здравая критика, а слѣпая и легкомысленный произволъ.

Употребленіе различныхъ именъ Божіихъ въ историческихъ частяхъ и въ поэтической изъяснено выше (стр. 261. 262): тамъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя какъ повѣствователь, употребляетъ національное еврейское наимено-

ваніе Бога אלהים, а гдѣ вводитъ разсужденія Іова и друзей его, не принадлежащихъ еврейскому племени, употребляетъ общія имена Бога.

Не одинаковое настроеніе духа Іова въ *прологъ* и въ рѣчахъ его объясняется не одинаковою степенью болѣзни и другими обстоятельствами: тамъ начало болѣзни, первые приступы ея, здѣсь болѣзнь тянется уже десятки дней, можетъ быть и недѣль, и успѣла прорыться до костей и мозговъ страдальца. Тамъ еще не было друзей утѣшителей; а здѣсь друзья—утѣшители въ зіяющія раны страдальца вливаютъ, съ своей стороны, растравляющій ядъ несправедливыхъ и жестокихъ укоризнъ и обличеній. Въ 17, 2 Іовъ говоритъ: *если бы только не эти ругательства надо мною, то во время прекословія ихъ (друзей) спокойно уснуло бы око мое*. Потому естественно, что настроеніе духа Іова измѣнилось съ участіемъ въ немъ друзей—утѣшителей и съ усиленіемъ болѣзни.

Гораздо важнѣе тѣ возраженія противъ подлинности *пролога* и *эпилога*, которыя выходятъ изъ усматриваемыхъ противорѣчій между ними и среднею частію.

Въ 1, 19 повѣствуется, что Іовъ лишился всѣхъ дѣтей; а въ 19, 17 самъ Іовъ говоритъ: *ласки мои стали противны единоутробнымъ моимъ* אֶחָדָם אֶחָדָם. Но אֶחָדָם אֶחָדָם употребляется въ значеніи не только собственнаго сына, но и сына матери, брата (Пс. 68, 9). Въ 3, 10 Іовъ проклинаетъ ночь за то, что не затворила дверей (*буквально*) *утробы моея* (אֶחָדָם). Поэтому выраженію выходитъ: *утроба моя есть утроба матери моея*. אֶחָדָם אֶחָדָם LXX перевели: οἷός τε παλλακίδων μου, *сыновъ наложницъ моихъ*; но съ такимъ переводомъ нельзя согласиться, зная

высокодѣвственный характеръ Іова (31, 1. 9). Что Іовъ лишился всѣхъ дѣтей, объ этомъ говорится ясно и въ 8, 4. 29, 5. Въ первомъ мѣстѣ Вилладъ говорить Іову: *если сыны твои согрѣшили предъ Нимъ; то Онъ только передалъ ихъ въ руки беззаконія ихъ*, — чѣмъ очевидно намѣкается на погнѣбъ ихъ (1, 19). Во второмъ мѣстѣ Іовъ, вспоминая прежнее время счастья своего, говорить между прочимъ: *когда еще былъ Вседержитель со мною, дѣти мои сокружъ меня...* Стало быть, теперь ихъ уже не было.

Въ 42, 7 Іегова говорить Елифазу омаинтянину: *горитъ инѣвъ мой на тебя и на двухъ друзей твоихъ за то, что вы не такъ вѣрно говорили предо Мною, какъ рабъ мой Іовъ*. Между тѣмъ въ 38, 2. Іегова, явившесъ въ вихрь бурномъ, говорить Іову съ грознымъ обличеніемъ: *кто сей держающій затмить опредѣленіе Совѣта словами безъ знанія?* Въ 39, 32 Іегова послѣ первой обличительной рѣчи вызываетъ къ Іову: *будетъ ли обличитель состязаться съ Вседержителемъ? Обвиняющій Бога пусть отвѣщаетъ* ¹). Въ 40, 3 Іегова говорить Іову: *ты ли хочешь испровергнуть правду Мою, обвинитъ Меня, чтобъ самому оправдаться?* И самъ Іовъ, послѣ второй рѣчи Іеговы, выражая раскаяніе въ словахъ своихъ, говоритъ: *кто тотъ, который дерзнулъ затмить Совѣтъ Твой, ничего не разумѣя? признаюсь, что я говорилъ, чего не понималъ, и что есть много чудесъ выше моего*

¹ Намѣкается на вызовъ къ суду Іовомъ Бога 9, 32. 33. 13, 18. 19. 22. Въ послѣднемъ мѣстѣ (13, 19 Іовъ говорить: *кто тотъ, который будетъ состязаться* (יִתְּבָר вѣ 39, 32, יִתְּבָר) *со мною*.

разумній (42, 3). Все эти мѣста, принадлежащія средней поэтической части книги Іова, видимо противорѣчатъ отзыву Іеговы въ эпиграфѣ о рѣчахъ Іова. Несмотря на такія укоризны Іову и сознаніе самаго Іова въ погрѣшности своихъ сужденій, въ эпиграфѣ Іегова не только оправдываетъ Іова предъ друзьями, но предоставляет ему ходатайствовать за друзей своихъ и только ради его молитвы обѣщаетъ пощадить ихъ отъ наказанія, котораго они заслуживали за свое неразуміе (עֲדָה אִלְמוּסָה *илумость*).

Что друзья Іова говорили предъ Богомъ не вѣрно, это ясно, — что заслуживали наказаніе, очевидно. Іовъ еще говорилъ имъ, что они ради Бога говорятъ неправду, ради Его слетаютъ ложь, что они пристрастны къ Богу (13, 7. 8). Главное сужденіе ихъ, что Іовъ наказывается за грѣхи, происходило изъ односторонняго понятія ихъ о Правосудіи Божіемъ: что бы оправдать это понятіе, они готовы были приписать Іову всевозможные грѣхи, которыхъ на самомъ дѣлѣ не видѣли въ немъ. Въ этомъ отношеніи они совершенно подобны тѣмъ ревнителямъ по Богу, которые ad gloriam Dei сожигали людей на кострахъ и подвергали всякимъ пыткамъ. Въ душѣ ихъ не было никакой жалости къ страдальцу. Іовъ хорошо понималъ, что такая ревность за Бога противна Богу, и потому не однократно предостерегалъ ихъ, напоминая о судѣ Божіемъ, (16, 19. 20. 19, 28. 29). Богъ не требуетъ въ жертву Себѣ крови человѣческой. Какъ безъ любви къ Богу нѣтъ любви къ ближнему, такъ и безъ любви къ ближнему не можетъ быть любви къ Богу.

Не такъ легко, съ перваго взгляда представляется, оправдать Іова предъ Богомъ. Друзья, по словамъ Іеговы,

не такъ вѣрно говорили предъ Нимъ, какъ рабъ Его Іовъ. Какъ же говорилъ Іовъ? Вызванный на разсужденіе о правдѣ Божіей своими тяжкими страданіями, а еще болѣе настойчивыми, не справедливыми и безщадными укоризнами и обличеніями друзей, Іовъ со всею искренностію и прямою чистаго и не порочнаго сердца своего высказывалъ предъ Богомъ то, что внушала ему безупречная и правдивая совѣсть, что представляло ему наблюденіе, что видѣлъ своими глазами и слышалъ своимъ ухомъ. Не правъ, конечно, Іовъ въ томъ, что, не зная предѣла человѣческому разумѣнію, хотѣлъ своимъ ограниченнымъ умомъ понять дѣйствія Вседержителя и опредѣлять законы высшаго божественнаго міроуправленія. Въ этомъ укорялъ его Іегова. Въ этомъ вышемѣрномъ умствованіи своемъ сознался самъ Іовъ, вразумленный Іеговою: *признаюсь, что я говорилъ, чего не понималъ, и что есть много чудесъ выше моего разумѣнія* (42, 3). Но Видящій сердце человѣческое и Любящій правду не могъ не отдать справедливости тому чувству правдивости въ Іовѣ, которое со всею искренностію и прямою высказывало предъ Богомъ смѣлыя сужденія о Его правосудіи, не видя справедливаго воздаянія людямъ. Упрекъ въ несправедливомъ воздаяніи людямъ высказывали предъ Богомъ и другіе праведники, кромѣ Іова: высказывалъ пророкъ Іеремія (Іерем. 12, 1—3), пророкъ Аввадумъ (Авваг. 1, 2. 3. 13), высказывается не однократно въ Псалмахъ (9, 34, 73, 93 и др.); *у Іова слышится онъ сильнѣе, чѣмъ *у другихъ праведниковъ, потому что выходилъ изъ наболѣвнаго безмѣрными страданіями сердца. Такое дерзновеніе праведныхъ предъ Богомъ объясняется: 1) Общимъ правомъ,

которое въ царствѣ Божіемъ получаютъ всѣ разумно-свободныя существа, пользоваться отъ Творца своего тѣмъ, чего они заслуживаютъ. Призывая разумно-свободныя существа къ служенію Себѣ, Творецъ далъ имъ и обѣтованія Свои, на которыя они пріобрѣтаютъ право, коль скоро служатъ Ему вѣрно и съ искреннею преданностію. Такое свободное отношеніе между Богомъ и человѣкомъ начертано въ самой природѣ человѣка, въ нравственномъ законѣ, который указываетъ человѣку не только его отношеніе къ Божеству, но и отношеніе Божества къ нему, не только обязанности, но и права. Такое отношеніе между Богомъ и человѣкомъ выражено ясно въ положительномъ законѣ, ветхозавѣтномъ и евангельскомъ: всѣ заповѣди и постановленія Божіи въ томъ и другомъ законѣ соединены съ различными обѣтованіями со стороны Бога. Не видя исполненія этихъ обѣтованій въ отношеніи къ себѣ и къ другимъ праведникамъ, Іовъ въ чувствѣ своей правоты и права, тѣсно соединеннаго съ нею, вопіетъ предъ Богомъ за себя и за другихъ. Творецъ, конечно, въ долгу не останется у Своей твари; для воздаянія ей должнаго предстоитъ цѣлая вѣчность; но Іову эта вѣчность не извѣстна; по своимъ религіознымъ понятіямъ онъ знаетъ жизнь человѣка въ короткихъ предѣлахъ земнаго существованія, и потому, какъ праведникъ, стоитъ за свое право и за право другихъ пользоваться заслуженнымъ въ этой жизни. И Богъ призналъ это право, воздавъ Іову сугубо за всѣ лишенія и страданія.—2) Ревностию о славѣ Божіей. Чувство справедливости въ природѣ человѣческой есть отраженіе правды Божіей, такое же чувство, какое принадлежитъ Богу правды; справедливость есть свойство Божіе въ человѣкѣ. Давши твари такое чув-

ство, Творецъ тѣмъ самымъ отдалъ на судъ ей Себя и Свои дѣйствія. Укоряя Бога въ неправосудіи, Іовъ, какъ и другіе праведники, ревнуетъ за Бога, за то, что въ Немъ, какъ верховномъ Правителѣ міра, составляетъ самое высшее достоинство. Тутъ, можно сказать, ревнуетъ не Іовъ, какъ Іовъ, а сама правда Божія въ немъ за саму себя. Богъ, конечно, не оставитъ міръ безъ суда Своего: для воздаянія людямъ по ихъ заслугѣ, скажемъ опять, существуетъ цѣлая вѣчность. Но праведникъ, живя во времени и своею ограниченою мѣрою разумѣнія опредѣляя видимыя явленія торжествующаго безнаказанно нечестія, не можетъ не смущаться такими явленіями, не можетъ не скорбѣть о томъ, что Богъ держитъ втайнѣ Свой судъ и не отрываетъ Свою правду для наказанія нечестивыхъ и торжества праведныхъ.—3) Внутреннею нравственною близостію праведныхъ къ Богу. Праведные, ходящіе въ путяхъ Божіихъ, благоугождающіе Богу, уподобляясь Ему своими свойствами и дѣйствіями, приобрѣтаютъ въ душѣ своей сродство съ Нимъ, въ чувствахъ своихъ становятся близкими къ Нему, своими и присными Богу (Ефес. 2, 19); на высшихъ степеняхъ праведности чувство близости къ Богу восходитъ до родственнаго и даже дружественнаго чувства (Іак. 2, 23). Въ силу такой близости праведныхъ къ Богу, дѣло Божіе становится для нихъ близкимъ къ сердцу, общимъ, такъ сказать, у нихъ съ Богомъ. Отсюда происходитъ то дерзновеніе ихъ предъ Богомъ, по коему они высказываютъ смѣло со всею искренностію и прямою свои сужденія о дѣйствіяхъ Его. Это слова не измѣны Богу, не отпаденія отъ Него, не дерзкаго возстанія противъ Святаго и Праведнаго, но выраженія искренняго довѣрія, глубокой

преданности и любви къ Нему. Въ самыхъ, по видимому, рѣзкихъ и сильныхъ укоризнахъ и обвиненіяхъ, высказываемыхъ Іовомъ Богу, слышится тонъ любящаго сердца къ покинувшему его другу, преданнаго сына къ безвинно простершему на него нещадный жезлъ отцу своему.

Средняя поэтическая часть книги во многихъ мѣстахъ предполагаетъ вмѣстѣ съ собою существованіе *пролога*. Слова Виллада о дѣтияхъ Іова 8, 4 и самого Іова 29, 5 очевидно указываютъ на 1, 19. Изображеніе Іовомъ прежней своей счастливой жизни и своей праведности указываетъ на 1, 1—5. 8. 2, 3. Изображеніе болѣзни Іова въ чертахъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ книги (7, 4. 5. 13, 14. 16, 8. 16. 17, 7 и т. д.), есть описаніе того рода проказы, которая въ *прологъ* названа по имени. Въ 23, 14 Іовъ предчувствуетъ, что есть какое-то особенное опредѣленіе Божіе относительно поразившихъ его страданій, только не можетъ постигнуть его. Въ 38, 2 Іегова говорить: кто сей дерзающій затмить совѣтъ (פֶּזֶז׃ *совѣтъ*, *опредѣленіе совѣта*)? Тонкій и искусный авторъ, у коего всякое слово вездѣ прекрасно разчитано, намекаетъ на то опредѣленіе Божіе, какое изображено въ *прологъ* (1, 12. 2, 6), которое ни Іову, ни друзьямъ его не было извѣстно. Ведя за собою читателя, авторъ въ этихъ выраженіяхъ возвращаетъ вниманіе его къ *прологу*.

2. Подлинность рѣчей Эліуа оспаривали: Ейхгорнъ, Штульманъ, Беринштейнъ, Кнобель, Эвальдъ, Гирцель, Мейеръ, Гейлигштедтъ, Магнусъ и др.;—защитили: Янъ, Штейнлинъ, Бертольдъ, Розенмиллеръ, Умбрейтъ, Вайгингеръ, Штикъ, Глейссъ, Вельте, Геферникъ, Ганъ, Шлетманъ, Блескъ и др.

а) Говорятъ: объ Эліуѣ не упоминается въ прологѣ вмѣстѣ съ именами друзей Іова (2, 11); слѣдовательно, эта личность не предполагалась въ произведеніи писателя. Не слѣдуетъ. Авторъ излагаетъ дѣло въ томъ порядкѣ, какъ оно происходило. Сначала съ Іовомъ бесѣдуютъ друзья (3—31 гл.). Эту бесѣду авторъ предваряетъ введеніемъ, въ которомъ сообщаетъ свѣдѣніе о друзьяхъ и о положеніи дѣла (2, 11—13). Послѣ друзей выступаетъ съ своею рѣчью молодой мудрецъ Эліуѣ; авторъ предваряетъ его рѣчь также предисловіемъ, въ которомъ сообщаетъ свѣдѣніе объ этой личности и также о положеніи дѣла (32, 1—5). Наконецъ, послѣ рѣчей Эліуѣ является Іегова; и здѣсь также свое краткое предисловіе (38, 1). Если исключать рѣчи Эліуѣ изъ цѣлаго произведенія потому только, что о немъ не упоминается въ первомъ предисловіи, то на томъ же основаніи слѣдовало бы исключить и рѣчи Іеговы.

б) Іегова, произнося судъ на друзей Іова, Эліуѣ не касается (42, 7); его какъ будто и не было. Также не слѣдуетъ. Іегова произноситъ судъ только на Іова и друзей его, потому что Іовъ просилъ Бога разрѣшить спорное дѣло только между нимъ и друзьями (16, 20. 21 см. 19, 28. 29). И приговоръ Іеговы не выступаетъ изъ предѣловъ этого желанія Іова.

в) Рѣчи Эліуѣ, говорятъ, нарушаютъ гармонію цѣлаго и являются излишними, такъ какъ съ одной стороны повторяютъ то, что уже было сказано друзьями, съ другой—предвѣщаютъ то, о чемъ говорится въ рѣчахъ Іеговы. Мы уже имѣли случай показать неосновательность этого мнѣнія; теперь, послѣ опредѣленія главной мысли книги

и ея развитія въ ней, еще разъ замѣтимъ, что мнѣніе это ни съ той ни съ другой стороны не выдерживаетъ критики. Друзья доказывали Іову, что страдать можетъ только грѣшникъ, а потому страданія суть не что иное, какъ наказаніе за грѣхи. Эліуъ представляетъ, что Богъ посылаетъ страданія не только грѣшникамъ но и праведнымъ, первымъ для ихъ вразумленія и исправленія, вторымъ для ихъ очищенія и совершенства; потому страданія не всегда происходятъ отъ гнѣва Вседержителя, но гораздо обычнѣе отъ любви, желающей людямъ блага и счастья; а когда и какъ это бываетъ, для насъ непостижимо; потому всегда должно принимать и нести возлагаемый на насъ крестъ съ смиреніемъ и покорностію Богу. Очевидно, что въ рѣчахъ Эліуа заключается не повтореніе того, что сказано друзьями Іова, а совершенно новая мысль. Іегова показываетъ Іову, что человѣку не возможно пронибнуть въ то, что Онъ дѣлаетъ, и не свойственно состязаться съ Нимъ относительно Его опредѣленій. Такимъ образомъ Эліуъ не предвосхищаетъ, а только подготавливаетъ къ тому, что говорится въ рѣчахъ Іеговы.

Принадлежность пролога и эпилога, равно какъ и рѣчей Эліуа, тому же писателю, коимъ написана средняя часть книги, и одновременность ихъ происхожденія, ясно видны изъ такъ называемыхъ ἀπαξ λεγόμεν' овъ, составляющихъ, какъ выше (стр. 173) видѣли мы, замѣтную особенность нашей книги по сравненію ея съ другими еврейскими священными книгами. Изъ 110 таковыхъ словъ, находящихся въ цѣлой книгѣ, въ эпилогъ встрѣчаются два слова (פָּרַחַח 42, 13; פָּרַחַח 42, 14), что при краткости этого отдѣла (42, 7—17) не можетъ не обращать

на себя вниманія. Въ рѣчахъ Эліуя 32—37 гл.) таковыхъ словъ 16.

Что Прологъ и Эпилогъ написаны прозаическою, а средняя часть стихотворною рѣчью, это не можетъ доказывать происхожденія ихъ отъ разныхъ писателей: тамъ говоритъ авторъ отъ себя, какъ повѣствователь; здѣсь излагаетъ разсужденія мудрыхъ. Излагая эти разсужденія, авторъ употребилъ для нихъ такой образъ рѣчи, который наиболѣе соотвѣтствовалъ, по тогдашнему представленію, людямъ высокаго образованія, мудрецамъ. Подобное явленіе встрѣчается и въ другихъ священныхъ книгахъ, гдѣ историческій расказъ соединяется съ вдохновенною рѣчью пророковъ, напримѣръ: во Второзак. 32 гл., въ пророческихъ книгахъ—Исаіи (гл. 6, 7, 36—39), Осіи (1 и 2 гл.), Амоса (1 и 2 гл.) и др.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Здѣсь мы оканчиваемъ свое изслѣдованіе. Сведемъ результаты, къ которымъ оно привело насъ относительно вопроса о происхожденіи книги Іова:

I. Книга Іова несомнѣнно еврейскаго происхожденія.

II. Написана послѣ плѣна вавилонскаго, въ вѣкъ Ездры, Нееміи и пр. Малахіи, около половины пятого столѣтія до христіанской эры.

III. Изложенію въ ней матерію—сказаніе о страданіяхъ Іова авторъ заимствовалъ изъ дѣйствительнаго міра: Іовъ есть лице дѣйствительное, и книга его имени содержитъ подлинную исторію.

— 71 —

IV. Мѣсто жительства Іова (земля *Уцъ*) было въ древнемъ Васаѣ, нынѣшнемъ Хаураѣ или Авраѣ, т. е. въ восточной заіорданской области, нѣкогда принадлежавшей къ наслѣдію Израиля, а потомъ отторгнутой отъ него Азаиломъ, царемъ сирійскимъ.

V. Іовъ жилъ въ періодъ ассирійско-вавилонскаго владычества и былъ современникомъ пророка Іезекіиля; время страданій его можно полагать между 707 и 589 г. до христіанской эры.

VI. Какъ Іовъ, такъ и друзья его, происходя изъ языческихъ племенъ, были почитателями Единого истиннаго Бога и принадлежали къ классу мудрецовъ, извѣстныхъ на востокѣ подъ именемъ *חכמים*.

VII. Книга Іова написана авторомъ съ цѣлю — объяснить загадочное положеніе праведныхъ въ настоящемъ порядкѣ правственнаго міра (*внутренняя цѣль или главная мысль книги*), и въ примѣръ праведнаго страдальца Іова — дать урокъ народу Божію на предстоящее ему послѣ вавилонскаго тяжелаго время до пришествія Мессии и оживить желаніе и чаяніе обътованнаго Избавителя (*цѣль внѣшняя*).

Кто же Писатель нашей книги? Этому вопроса мы не касались въ нашемъ изслѣдованіи, потому что данныхъ въ самой книгѣ для разрѣшенія его нѣтъ. Исторія послѣднѣшняго періода такъ мало указываетъ лицъ, отличавшихся своимъ образованіемъ и духовнымъ просвѣщеніемъ, что, кромѣ пророковъ, Аггея, Захаріи и Малахіи и извѣстныхъ своею гражданскою дѣятельностію Ездры и Неемїи, болѣе никого мы не знаемъ. Произведенія, обыкновенно относимыя къ этому послѣднему періоду еврейской священной письмен-

ности, находящіяся въ дошедшемъ до насъ сборникѣ псалмовъ, ясно свидѣтельствуютъ, что духъ творческой производительности жилъ еще въ народѣ и въ это время упадка національности, и пробуждалъ въ немъ чувство и мысль къ прославленію величія Іеговы и къ сознанію великаго призванія своего. Не сомнѣнно, были священные поэты, въ свѣомъ духѣ воскресившіе духъ древней священной лирики, воспѣвая милости Іеговы, сохранившаго народъ Свой въ недавнемъ плѣну вавилонскомъ, *исхитившаго* его оттуда какъ *головню изъ огня* (Зах. 3, 2), и водворившаго на родной землѣ его. Были и мыслители--дидактики, въ дѣлахъ творческой Премудрости указывавшіе величіе Бога и силу Его, для возбужденія въ народѣ вѣры и благоговѣнія къ Промыслителю и Строителю судебъ человѣческихъ, — обращавшіе сознаніе людей на внутреннюю жизнь духа и на явленія окружающаго міра, для отвлеченія отъ земной суетности и удержанія въ общеніи съ Іеговою, источникомъ истиннаго блага и счастья. Но имена этихъ поэтовъ и мыслителей не передала намъ исторія. Мы уже высказали (стр. 168) намекомъ, что къ этому періоду относится значительно болѣе священныхъ памятниковъ еврейской письменности, чѣмъ сколько изслѣдователи привыкли относить: имѣемъ основаніе надѣяться, что когда критика, оставивъ привычкою утвердившееся убѣжденіе, съ ученымъ безпристрастіемъ отнесется къ этому предмету, будемъ въ состояніи указать — не автора, конечно, нашей книги — но другія произведенія въ священномъ канонѣ, принадлежащія перу тогоже въ высшей степени даровитаго и плодовитаго автора. Въ настоящій разъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія имѣемъ въ нашей книгѣ, считаемъ достаточнымъ

сказать о писателѣ ея, что это былъ человѣкъ, съ не обыкновенными человѣческими дарованіями, съ высокимъ образованіемъ, обширными и многосторонними свѣдѣніями и съ глубокимъ знаніемъ священныхъ книгъ народа своего, соединявшій въ себѣ пророческое дарованіе. Онъ былъ *члвкъ видящій видѣнія Всемоущаго* (Числ. 24, 4. 16. Исаі. 30, 10. Мих. 3, 7. 1 Пар. 29, 29. 2 Пар. 9, 29. 12, 15. 19, 2. 29, 30. 35, 15), и книга его, при высокихъ литературныхъ совершенствахъ, носитъ ясную печать *богодуховеннаго произведенія*.

А. Ф.

